

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)**

Институт философии

Кафедра этики

Зав. Кафедрой этики

Перов Вадим Юрьевич

Председатель ГАК, профессор

Громова Лариса Алексеевна

**Выпускная квалификационная работа на тему:
Современная визуальная этика**

По направлению — 033700 «Прикладная этика»

Рецензент:

доцент, к.соц.н.

Абгаджав Д.А.

_____ (подпись)

Выполнила:

Соколова Ульяна Алексеевна

_____ (подпись)

Научный руководитель:

Овчинникова

Елена Анатольевна

к.ф.н., доцент

_____ (подпись)

Санкт-Петербург

2016г.

Содержание

Введение.....	стр.3
Глава 1. Визуальный нарратив и визуальный образ.....	стр.7
§1 Фотография как визуальный нарратив.....	стр. 9
§2 Видео как нарративное высказывание.....	стр. 14
Глава 2. Этические проблемы в отношениях снимающего и снимаемого.....	стр. 17
§1 Влияние человека с камерой на его героя.....	стр.17
§2 Документальное кино и документальная фотография: моральные проблемы в отношении объекта и субъекта съёмки.....	стр.21
§3 Дилемма «спасать или снимать».....	стр.27
§4 Границы этичности в съёмках смерти.....	стр.29
Глава 3.Зритель как моральный субъект визуального пространства.....	стр.33
§1 «Шоковая терапия» как феномен визуальных медиа.....	стр.33
§2 Что хочет и может видеть зритель?.....	стр. 36
§3 Образ современного российского зрителя.....	стр.40
Заключение.....	стр.42
Список литературы.....	стр.45
Приложение №1.....	стр.47

Введение

С самого момента рождения человек окружен визуальной информацией. Еще не понимая речь, ребенок уже учится распознавать образы, и мыслит ими. Но даже освоив речь, он всё равно получает очень много информации из визуальной среды.

Визуальная среда окружала людей с древнейших времен, достаточно хотя бы вспомнить наскальную живопись. Однако окончательно визуальная информация возобладала над остальными видами информации лишь в последние полвека в связи с возросшей популярностью телевидения, фотографии и кино.

Каждый из нас включен в визуальную среду не только как зритель, но и как один из миллиарда её производителей. С помощью визуального языка человек пытается осмыслить происходящее вокруг и внутри него, а также задокументировать те изменения, которые с ним происходят. Речь не только о художниках, фотографах и режиссерах, но и о простых людях. Ребенок рисует маму с папой, и это его визуальная интерпретация реальности. Человек постарше снимает фото на память из путешествий или для семейного альбома. Свидетельством того, что люди всё больше стремятся визуально задокументировать свою жизнь, может служить широкое распространение такой социальной сети как инстаграм.

В наше время одна фотография может сказать больше, чем тысячи слов. Пожалуй, сложно представить себе заметку в газете или журнале без сопровождающего её изображения. Во второй половине двадцатого и в двадцать первом веке фотография стала некоторого рода свидетельством того, что событие как местного, так и глобального значения (будь то извержение вулкана, теракт, рождение ребенка или встреча с друзьями) действительно происходило.

Отнюдь не меньшую роль в жизни современного человека играет видео: это и кино, и ролики в интернете, и сюжеты из новостей. Если

фотография – это статичная картинка, то в видео мы слышим голоса, замечаем мимику и жесты снятых камерой людей, и потому видео даже больше, чем фото, делает зрителя сопричастным запечатленному событию.

В связи с тем, что визуальная среда играет довольно большую роль в информационном обществе, появилась необходимость выявления моральных проблем, связанных с визуальным, их анализа и регуляции. Этим занимается визуальная этика, именно она определяет воздействие визуального на моральное сознание человека.

В своём исследовании я хотела бы остановиться на анализе новостной и документальной фотографии, документальном кино и новостных видеороликах. Все эти виды визуальной информации объединяют два важных свойства. В первую очередь, в центре внимания каждого из них находится человек, причем не актер, а, скажем так, герой, играющий роль самого себя. Во-вторых, складываются определенные взаимоотношения автора с героем съёмки и со зрителем, что порождает множество моральных дилемм.

В визуальном нарративе необходимы следующие компоненты: субъект съёмки, объект съёмки, непосредственно сам визуальный документ и зрители. Отсутствие хотя бы одного из этих компонентов лишает исследование всякого смысла. Поэтому в первой главе я хотела бы рассмотреть визуальное как документ и нарратив, во второй – взаимоотношения объекта и субъекта съёмки, а в третьей – зрителей как моральных субъектов визуального пространства.

Проблемы визуальной этики в СМИ и документальном кино занимает и фотографов, и режиссеров, и, конечно же, философов. Среди философов, посвятивших труды осмыслению визуального языка и визуальной этики, можно выделить С.Сонтаг, А.Руйе, Р.Барта, В.Савчука, В.Флюссера, П.Вирилио. Также моральная проблематика визуального поля занимает кинокритиков (А.Гусев, М.Ямпольский) и, конечно же, непосредственно

самых фотографов и режиссеров – каждый из них в ходе своей деятельности сталкивается с моральными дилеммами и вынужден совершать тот или иной моральный выбор.

Несмотря на то, что проблемы визуальности изучаются уже далеко не первый год, эта тема по-прежнему остаётся актуальной. Актуальность исследования заключается в том, что видеосюжеты в новостях, фоторепортажи, документальные фильмы так или иначе влияют на жизнь и мировосприятие каждого из нас. Кого-то они касаются больше (например, героев репортажей и их близких), кого-то меньше. Несмотря на это, ни среди фотожурналистов, ни среди режиссеров документального кино, ни среди телевизионщиков не существует единого этического кодекса, который мог бы чётко регулировать взаимоотношения снимающего и снимаемого. Более того, существующие разрозненные своды этических правил подходят далеко не в каждом случае, они не гибкие и зачастую оказываются бесполезными в реальной практике, а потому совершенно не востребованы профессионалами. Тем не менее, об этической стороне практически каждого известного репортажного снимка, новостного сюжета или документального фильма можно долго спорить. А значит, этическая экспертиза всё же необходима.

Объект исследования – документальные и репортажные снимки, документальные фильмы, новостные сюжеты.

Цель исследования – анализ моральных проблем, возникающих в ходе взаимоотношений объекта съёмки, субъекта съёмки и зрителей.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) Изучить особенности визуальной информации как нарратива

- 2) Выяснить, насколько этично человеку с камерой вмешиваться в ход снимаемых им событий ради хорошего кадра или интересного сюжетного поворота
- 3) Исследовать влияние фотографов, операторов и режиссеров на поведение снимаемых им людей
- 4) Проанализировать влияние зрителей на формирование визуальной среды с помощью эмпирических методов исследования (дискурс-анализ)

В качестве материалов исследования рассматриваются в первую очередь документальное кино, фоторепортажи и отдельные фотографии, породившие в обществе дискуссии об их этическом аспекте, а также фоторепортажи и фотографии, получившие престижные премии. Также исследование опирается на высказывания непосредственно самих фотографов и кинодокументалистов, которые первыми дают оценку своим произведениям и произведениям своих коллег.

Так как исследование носит междисциплинарный характер, то в качестве методов исследования используются анализ научной литературы и высказывания непосредственно самих фотографов и режиссеров, а также кинокритиков и исследователей фотографии; ситуационный анализ; дискурс-анализ на основе глубинных интервью.

Визуальный нарратив и визуальный образ.

Можно смело утверждать, что вслед за лингвистическим поворотом пришел визуальный поворот. В фотографии, как и в текстах, тоже прослеживается нарратив, но нарратив этот не лингвистический, а визуальный. Согласно концепции лингвистического поворота, все явления связаны с коммуникацией и зафиксированы в нарративах. По аналогии, в визуальном повороте также все явления зафиксированы в нарративах, но связаны они не с языком, а с визуальным текстом.

Действительно, в наши дни ни одна история не мыслится без соответствующего визуального ряда. Это не только рассказ о великих событиях, которые вскоре войдут в учебники, но и личные истории. Семейный альбом, который есть у каждого человека – это тоже своего рода визуальный нарратив. С его помощью мы видим историю конкретной семьи, и даже не будучи лично знакомыми с большинством запечатленных на фотографиях людей, мы уже имеем некое представление о них и становимся вполне способными рассказать историю об этих людях, основываясь лишь на увиденных фрагментах их жизни.

Несмотря на то, что с помощью визуального языка можно достаточно полно рассказать историю, в классической парадигме философствования в процессе познания мира ведущая роль отдавалась всё-таки языку вербальному языку. Однако в современном мире визуальное уже вытесняет вербальное. Но в визуальном нарративе изображение соответствует не слову, а целому высказыванию¹. Умберто Эко для более наглядного различия визуального и вербального приводит пример с лошадью: «на уровне графического представления я располагаю великим множеством способов изобразить лошадь, намекнуть на нее с помощью игры светотени, обрисовать кистью ее контур, изобразить самым натуральным образом, при этом лошадь может стоять, бежать, скакать, вставать на дыбы, пить, есть и может быть

---

¹У.Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Symposium, 2004. с. 201

изображена в профиль, в трехчетвертном повороте и т. д.». ²А вот в вербальном языке лошадь он может обозначить совершенно определенным словом «лошадь», и даже несмотря на то, что это слово можно произнести на разных языках и диалектах, это всё равно будет одно и то же слово, которое, зная язык, мы можем расшифровать одним-единственным образом.

В таком случае можно сказать, что одно и то же изображение разным зрителям может рассказать разную историю. Может ли оно в таком случае являться полноценным нарративом, если не прибегает к помощи слов?

Большинство фотографов считают, что хорошая фотография не нуждается в словах. Современный российский фотограф Виктория Ивлева, рассматривая серии студентов фотофакультета, ругает их за излишне подробные описания, говоря, что это не фотография, а литература. Того же мнения придерживается и фотограф Сергей Максимишин, называя слова костылями для фото. Однако, если мы посмотрим на требования к профессиональным фотоконкурсам (World press Photo, Direct Look, Pulitzer Prize for Photography и другие), то увидим, что ко всем фотографиям требуются «кепшны» - описания времени, места и того, что именно изображено на снимке, а если это фотоистория, то по условиям конкурсов к ней должна прилагаться аннотация. Тем не менее, зритель, рассматривая фотографию или фотоисторию с конкурса, редко читает описания. Будучи помещенным в определенную эпоху и определенный культурно-социальный контекст, зритель и без подписи понимает, о чём говорит изображение. Соответственно, изображение становится отражением визуального образа и превращается в визуальный текст.

Визуальный текст – это не текст в привычном понимании слова, а некая структурно-функциональная модель, состоящая из образов, знаков и символов, включенных в определенный культурный код.

---

²Там же

Таким образом, можно сказать, что у каждого своя интерпретация предложенного фотографом визуального нарратива, и единственно верной интерпретации не существует.

§1 Фотография как визуальный нарратив

Неверно было бы сказать, что лишь зритель считывает культурный код, а фотограф только запечатлевает приметы эпохи. По мнению исследователя фотографии Сьюзен Сонтаг, каждый фотограф так или иначе интерпретирует реальность и привносит что-то личное в визуальный текст: «..в поисках поразительных изображений фотографы отправились на свои культурные, социологические, научные сафари... ловя мир в силки активного, стяжательского, оценивающего, своевольного зрения»³.

Здесь показателен пример со снимками из блокадного Ленинграда. Ленинградские снимки начала сороковых – это тощие дети в пуховых платках, трупы на улицах, разбомбленные дома, очереди к проруби на Неве. У современного российского гражданина и, в частности, у современного петербуржца, сложился именно такой визуальный образ блокады, и снимки с голодающими, мерзнущими людьми в домах, где стекла окон заклеены крест-накрест от бомбежек – это именно то, что представляется нам в первую очередь при слове блокада. Еще живы очевидцы тех страшных событий, но лет через десять-пятнадцать нам останутся только снимки. И, тем не менее, это не единственная реальность, которая была в те дни. Военный историк Юрий Лебедев нашел в архивах фотографии, свидетельствующие о производстве ромовых баб и конфет на ленинградских фабриках для партийной элиты.⁴ Эти снимки – еще одна грань той же реальности, той же эпохи, но практически неизвестная. Это подтверждает тезис, что каждый

---

³С. Сонтаг. О фотографии. М., Ad Marginem. 2012. - с.121

⁴Ю. Лебедев. «Ромовые бабы» голодного Ленинграда. <http://pavlovsk-spb.ru/primirenie-nad-voynoi/romovie-baby-golodnogo-leningrada.html>

нарратив есть лишь конструкция реальности и бессмысленно интерпретировать реальность согласно заданному фотографом нарративу.

Итак, можно сказать, что визуальный нарратив задаётся определенной эпохой, и диктуется не только фотографом и зрителем, но и историческим контекстом, который задает свой ход повествования. В разных концах земного шара постоянно что-то происходит, и в новостях мы постоянно видим войны и теракты, но какие-то события становятся достоянием широкой общественности и транслируются по всем каналам, в то время как другие остаются лишь на локальном уровне. «Война не была мировой», - говорил в одном из интервью исследователь фотографии Валерий Савчук. – «Целые континенты не участвовали в ней. Но этот статус она приобрела не без влияния фотографии. Почему? Фотографии с поля боя, с театра военных действий, печатались во всех газетах мира, она присутствовала везде. Мир переживал эту войну как свою войну. Не просто на уровне рассказов и слухов, а на уровне образов: весь мир видел войну. Образ распространялся повсеместно и, что важно, оперативно.»⁵

Репортажная фотография с самого начала была ориентирована на то, чтобы формировать у зрителя определенный визуальный образ. Так, в ходе Крымской войны Роджер Фентон, считающийся ныне первым военным фотокорреспондентом, делал по заданию принца Альберта фотографии, целью которых было создание более благоприятного впечатления о войне. «В военном ведомстве он получил инструкции не фотографировать убитых, изувеченных и больных; громоздкий процесс съемки не позволял запечатлеть большинство других сюжетов, и Фентон представлял войну как чинную мужскую вылазку на лоно природы»⁶. Таким образом, все ужасы войны, смерть и страдания солдат, жуткие бои – всё это оказалось вне поля

---

⁵В.Савчук. Медиареальность. Медиа субъект. Медиа философия (интервью). Сборник «Медиа философия», ч. II. СПб: 2009

⁶С. Сонтаг. Смотрим на чужие страдания. Ad marginem, 2014. С.39

визуальной фиксации, а значит, для человека, который узнавал о войне из газет, этого не существовало.

Как мы видим, проблема заключается еще и в том, что фотограф берет лишь маленький кусочек реальности и как бы помещает его в рамку. Если в реальной жизни мы можем оглядеться по сторонам, разглядеть детали, увидеть что-то вокруг, то фотография представляет нам лишь ограниченный клочок пространства без возможности увидеть, что происходит рядом. Фотограф Джоэн Стенфельд сказал в одном из интервью: «Фотография всегда умела манипулировать. Каждый раз, как ты накладываешь рамку на мир вокруг, — ты уже интерпретируешь. Я могу направить камеру на двух стоящих рядом людей и не взять в кадр бездомного, лежащего справа от них, или убийство, происходящее слева. Ты берешь 35 градусов из 360 и называешь это фотографией. Существует бесконечное количество способов сделать снимок. Фотограф — это всегда автор»⁷. Таким образом, фотограф, даже без сознательного искажения реальности, всё равно делает выбор: что именно заключить в рамки кадра, а что оставить за его пределами? Про полотна живописцев говорят: «Художник нарисовал картину», а про фотографию «Фотограф снял». Если задуматься о лингвистическом анализе, то можно сказать, что фотограф как бы снимает слепок с реальности, а не создает новую реальность. То есть фотожурналисты – это, скорее, документалисты, нежели создатели новых миров. Ж. Бодрийяр писал: «Особая роль фотографии заключается не в иллюстрации события, а в констатации события как такового»⁸. Но, так как кадр ограничен заданными фотографом рамками, то фотография – это всё равно не точный слепок с реального мира. Более того, от репортерских фотографий не ждут художественности, эстетической привлекательности. Они – констатация факта свершившегося действия. Безупречные репортерские снимки с идеальным светом, композицией, чёткими фигурами вызывают у многих

---

⁷Фотограф – всегда автор и манипуляция – один из инструментов <http://fotogl.com/entry.php?b=10>

⁸Ж.Бодрийяр «Изнасилованное изображение» <http://www.photographer.ru/cult/theory/3685.htm>

зрителей ощущение подвоха. Репортерская фотография не совершенна, она как будто выхватывает кусок реального мира со всем его хаосом.

Картины не обязаны в деталях повторять происходящее. Полотна живописцев передают атмосферу, настроение, обычаи и традиции эпохи, и зрителю, как правило, не приходит в голову дотошно выспрашивать: стоял ли изображенный на картине человек именно в такой позе и в том месте, где его изобразил художник? От картин не ждут полной документальной достоверности, тогда как фотография видится нам неким документом, подтверждающим, что всё было именно так, а не иначе. Поэтому люди возмущаются, когда задевшие их за живое репортажные снимки оказываются постановочными. «Робер Дуано никогда прямо не утверждал, что фотография, сделанная им для «Лайфа» в 1950 году – молодая пара, целующаяся на тротуаре перед парижской ратушей, – настоящий моментальный снимок. Однако, когда выяснилось через сорок с лишним лет, что снимок постановочный, с мужчиной и женщиной, нанятыми для слащавой карточки, это вызвало досаду у многих, кто лелеял этот образ романтической любви и романтического Парижа. Мы хотим, чтобы фотограф был шпионом в доме любви и смерти и фотографируемые не знали о присутствии камеры, были сняты «врасплох». Никакая искусственность в вопросах фотографии не может испортить удовольствия от снимка неожиданного события, пойманного в разгаре проворным фотографом», - писала Сьюзен Сонтаг в книге «Смотрим на чужие страдания».⁹

Но всегда ли важна документальная точность?

Я думаю, что фотография не обязана передавать всё абсолютно достоверно, и фоторепортерская работа допускает постановку, если таким образом лучше передаётся атмосфера и если с помощью фотографии не подтасовываются факты. Показателен и пример со знаменитым снимком Евгения Халдея «Знамя над Рейхстагом», который является фотографическим

---

⁹С.Сонтаг «Смотрим на чужие страдания», с.47

символом победы над фашистскими захватчиками. Эту фотографию можно увидеть даже в школьных учебниках истории: солдат водружает знамя Советского Союза на башню Рейхстага, на заднем плане – клубы дыма. Однако этот снимок – постановка чистой воды, в чем сам Халдей признался спустя годы. Фотограф оказался в Берлине 2 мая 1945 года, когда все бои уже стихли, а все важные административные здания были утыканы флагами. Но фотограф не растерялся: с собой он привез советское знамя, перешитое из скатерти. Халдей подозвал встреченного на улице солдата и попросил его попозировать, тот охотно согласился. Так был сделан легендарный снимок. Затем, с помощью доступных в то время инструментов для фотоманипуляций, был подтянут контраст и добавлены клубы дыма для нагнетения атмосферы. Но и это был не окончательный вариант: когда корреспондент принёс в газету снимок, фоторедактор заметил еще одну деталь, которую нельзя было показывать зрителям. На руке у солдата, который водружал знамя, было несколько пар часов: одни свои, а остальные – трофейные. Пришлось фоторедактору иголкой выцарапывать чужие часы, ибо ни в коем случае нельзя было образ героя-освободителя смешивать с явным мародёрством.¹⁰

Можно ли назвать этот снимок недостоверным? С одной стороны, да, ведь это полностью постановочное фото, и даже знамя оказалось не знаменем, а скатертью из столовой. Но, с другой стороны, оно отлично передавало атмосферу тех дней, к тому же с фактической стороны искажений не было – советские солдаты действительно водружали свои знамёна на здание Рейхстага.

Недавний скандал с постановочным кадром скорбящих по погибшим в Брюсселе, разгоревшийся в среде фотографов и критиков, показал, что проблема визуального как документа не теряет своей актуальности. Молодой фотожурналист Халед аль-Саббах из Палестины, снимая мемориал памяти

¹⁰ История одной фотографии: «Знамя победы над Рейхстагом» <http://www.aif.ru/culture/classic/1160751>

погибших в бельгийском теракте, указал девочке, как ей лучше положить мишку и расставить свечи. Казалось бы, ничего криминального, однако заметившие постановку коллеги из других стран опубликовали информацию об этом в соцсетях, и о палестинском фотографе вскоре благодаря этой истории узнал весь мир. Большинство фотографов, обсуждая ситуацию в своих профилях в социальных сетях, обвиняли аль-Саббаха в недобросовестности и в том, что он позорит профессию фотожурналиста. Таким образом, эта ситуация стала маркером того, что в профессиональном фотожурналистском сообществе осуждают вмешательство фотографа в реальность ради красивой картинки и считают этически недопустимым манипулировать реальностью ради кадра.

§2 Видео как нарративное высказывание

В кинематографе, в отличие от фотографии, визуальный переворот еще не случился. Впрочем, это неудивительно, так как кино сочетает в себе изображение и звук. Кино предполагает как минимум закадровый голос, а зачастую еще и речь снимающихся в нем людей.

Визуальный нарратив задается в данном случае режиссером и оператором, и зависит не только от того, что попало в кадр, но и от последовательности кадров. Здесь имеет место знаменитый «эффект Кулешова» - эксперимент, проведенный Львом Кулешовым и описанный им в книге «Искусство кино». Эксперимент заключался в следующем: Кулешов снял крупным планом задумчивого глядящего куда-то вдаль актёра. Затем были отдельно сняты три сцены: тарелка супа, ребенок в гробу и молодая девушка на диване. После этого Кулешов склеил кадры так, что получилось три мини-фильма: тарелка супа и лицо актёра, мертвый ребенок и вновь лицо актёра, молодая девушка и снова лицо того же самого актёра. Затем Кулешов показал эти маленькие кинозарисовки коллегам, и те интерпретировали выражение лица актёра в зависимости от того кадра, который следовал перед этим: так, после кадра с супом на его лице явно читался голод, после

умершего младенца – скорбь, а после девушки – очарование её красотой. При этом, как мы понимаем, лицо актёра во всех случаях на самом деле было совершенно одинаковым.¹¹

Снимая документальный фильм, режиссер в итоге имеет такое количество материала, которого хватит на несколько совершенно разных фильмов, и каждый из них будет рассказывать о разном. Здесь режиссер сталкивается с моральным выбором, каким он хочет показать героев фильма и с какой стороны показать событие. В идеале, конечно, снимая какую-либо историю, режиссер должен показать разные точки зрения на событие, но он всё же не объективная машина, а человек, который имеет какие-то свои предпочтения. К тому же, как и фотограф, он зависит от того исторического контекста, в котором он живёт и творит. Так, если посмотреть на кинохронику советского периода, то можно заметить, что везде главный герой – это именно Герой с большой буквы. Он служит идеалам своего отечества, готов прийти на помощь слабому и ставит цели коллектива выше собственных. В новостях также формировался положительный визуальный образ как героя, так и страны в целом. Тем не менее, мы прекрасно понимаем, что ни один человек не может быть таким идеальным и что, очевидно, для фильма или передачи происходит отбор кадров по заранее намеченной линии. Означает ли это то, что такой визуальный документ является фальшивым? На мой взгляд, и да, и нет. Да – потому что показаны лишь одни стороны личности или события; нет – потому что такой выбор визуального ряда и визуальных образов является документом, по которому мы можем свидетельствовать о нормах, идеалах и ценностях той эпохи, в которую он был снят.

Итак, в видео как в визуальном нарративе можно выделить два действия, которые определяют нить повествования: заключение реальности в

---

¹¹Эффе́кт Кулешова <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/704967>

рамки кадра (как и в фотографии) и последующий отбор кадров, выбор их последовательности для итогового материала.

Когда мы смотрим по телевидению новости о терактах в Париже или Бельгии, совершенных боевиками запрещенной на территории РФ организации ИГИЛ, то кажется, будто весь город, где случился теракт, объят ужасом, всё заволочено дымом, люди в панике боятся высунуться из домов... Тем не менее, по свидетельствам очевидцев, в городе были проблемы с транспортом и связью, но такой сильной паники, которую показывали по новостным телеканалам, не было. Паниковать люди, как правило, начинали, когда читали новости в интернете или включали телевизор.¹²

Получается, с появлением телевидения и развитием документального кинематографа происходит подмена привычной реальности на ту, которую показывают нам медиа. Режиссер Виктор Косаковский рассказывал, как спустя месяц после терактов 11 сентября приехал в Нью-Йорк к другу, из окна которого видны были знаменитые башни-близнецы. Когда он спросил друга, видел ли тот теракт, друг ответил, что да, конечно же видел. По телевизору. То есть он в принципе мог смотреть на происходящее из окна своего дома, но предпочел увидеть это на экране.

Таким образом, можно констатировать, что современному человеку с помощью медиа навязывается определенная реальность, где разрозненные и в общем-то в жизни не очень связанные между собой элементы превращаются в единое целое, подменяя собой ту реальность, которую человек видит своими глазами.

---

¹²Петербургцы в Париже рассказывают о терактах прошлой ночи <http://paperpaper.ru/russians-in-paris/>

Глава 2.

Этические проблемы в отношении снимающего и снимаемого

Как правило, дискуссии об этике в документальной фотографии и в документальном кино поднимаются в связи со съёмками масштабных трагедий – терактов, войны, массовых убийств и.т.п. Именно в такие моменты остро встает вечный вопрос «снимать или помогать?». А если помочь не можешь, то снимать ли вообще?

§1 Влияние человека с камерой на его героя

Человек с камерой, несомненно, так или иначе влияет на снимаемое им событие и на его участников. Яркий пример такого влияния – знаменитый кадр Роберта Капы «Падающий солдат», где зафиксирована гибель испанского солдата. На снимке мы видим молодого человека, сраженного пулей. Ноги его подкосились, слабеющие руки еще держат автомат, но мы понимаем, что в следующую секунду он упадёт и уже никогда больше не поднимется. О том, постановочный это кадр или нет, велись долгие споры, но в итоге кадр был признан настоящим. Однако исследователей и просто любителей фотографии до сих пор волнует вопрос: погиб бы солдат, если бы не камера Капы? По одной из версий парень сидел в окопе, но, завидя человека с фотоаппаратом, решил покрасоваться. Тут его и настигла пуля.

Был ли виноват фотограф в таком исходе событий? Единого мнения по этому поводу среди фотографов и критиков до сих пор нет. Возможно, солдат был бы убит несколькими минутами позднее, просто неосторожно показавшись из окопа; может, он не был бы убит никогда и умер бы в старости от рака. Но мне кажется, что гибель солдата всё же не была спровоцирована фотографом.

Однако бывали случаи, когда люди гибли именно по вине снимавшего. Во время Вьетнамской войны было сделано два кадра, которые стали

знамениты на весь мир: обожженная напалмом девочка и снимок, названный «Казнь в Сайгоне». На этой фотографии мы видим пленного в клетчатой рубашке и генерала, приставившего к голове пленника пистолет. Вот что пишет Сьюзен Сонтаг об истории этого снимка: «Он вывел пленника со связанными руками на улицу, где собрались журналисты, и не казнил был его, если бы их там не было. Поместившись рядом с пленником так, чтобы стоявшим сзади фотографам был виден его профиль и лицо пленника, Лоан застрелил его в упор. На снимке Адамса показан момент, когда пуля уже вылетела из ствола; мёртвый с гримасой на лице еще не начал падать. Что касается зрителя, данного зрителя, даже через много лет после того, как была снята казнь... да, можно долго смотреть на их лица и не постичь загадки – и непристойности – этого совместного разглядывания»¹³.

Эта фотография, по словам Адамса, стала не только причиной смерти пленного, но и сломала жизнь расстрелявшему его генералу Лоану. В 1968 году генерал был ранен в ногу и отправлен на лечение в Австралию, но там его уже отлично знали по фотографии Адамса, и в лечении генералу было отказано. Генерала доставили в американскую больницу, но из-за столь долгой канители ногу пришлось ампутировать. После окончания войны Лоан с семьей обосновались в США, и через несколько лет бывший генерал открыл пиццерию. Но из-за снимка его личность получила такую огромную известность и вызвала столько негодования, что на стенах пиццерии писали: «Мы знаем, кто ты» и, конечно же, мало кто горел желанием там обедать.

Эдди Адамс буквально возненавидел этот кадр за то, что тот поломал две жизни, и даже отказался от присужденной ему за «Казнь в Сайгоне» Пулитцеровской премии. Он сказал: «Генерал убил вьетконговца; я убил генерала своим фотоаппаратом».¹⁴

---

¹³С.Сонтаг «Смотрим на чужие страдания», с.39-40

¹⁴¹⁰ фактов об обманчивой «Казни в Сайгоне» <http://prophotos-ru.livejournal.com/1409893.html>

Примерами бессмысленной и неоправданной гибели людей из-за вмешательства камер богато и кино. Например, в 1935 году перед камерами кинодокументалистов разбился авианосец «Максим Горький», погибли пассажиры и члены экипажа. Самолёт был оснащён по последнему на тот момент слову техники, перед вылетом его дотошно проверили на предмет поломок, так что техническая неисправность не могла стать причиной катастрофы. В тот день на маневры «Максима Горького» собрались зрители и были приглашены кинооператоры, чтобы снять полёт гиганта советской авиации. Во время полёта истребитель, который сопровождал «Максима Горького», совершил вокруг крыла авианосца опасный маневр «петлю Нестерова». Это очень опасный трюк, и у самолёта практически не было возможности его выполнить, но экипаж рискнул совершить его, чтобы кинокамеры с земли запечатлели этот эффектный маневр. Однако желание сделать красивый трюк и остаться на кинохронике в вечности обернулось авиакатастрофой и гибелью 49 человек. И если в случае с «Падающим солдатом» Капы мы можем гадать, была ли гибель спровоцирована появлением фотографа, то в этом случае люди однозначно остались бы живы, если бы авиашоу не снимали бы камеры.

На мой взгляд, в некоторых случаях запечатление гибели оправдано (насколько, конечно, вообще можно говорить об оправдании убийства). Мне кажется, что во многом благодаря «Казни в Сайгоне» мы можем прочувствовать жестокость и беспощадность войны. К тому же это один из двух снимков, всколыхнувших общество и послуживших прекращению боевых действий.

Гораздо хуже, когда в результате действий фотографа гибнут люди, а фотография получается невыразительной или же съёмка вовсе не состоится. К сожалению, такое случается чаще, чем удачные съёмки. Четырёхкратный победитель самого престижного мирового фотоконкурса World Press Photo Юрий Козырев в одном из интервью рассказал о следующем случае: «Это

было в Чечне, с профессиональными русскими солдатами, морпехами. Мне нужно было попасть на линию фронта. Я добрался до части, которая там базировалась в раздолбанных контейнерах, и попросил их меня довезти. Они сказали, что это опасно, что этого не стоит делать. Но генерал, который там был — не помню, как зовут, в почтенном возрасте, — сказал: сделаем, довезем журналиста. И по дороге нас расстреляли. Несколько человек погибло, несколько ребят было ранено. Я не принимал участия в боевых действиях, но я был с ними. Таких ситуаций — когда я был в центре боя — случалось много. Но после этой истории я больше никогда не прошу. Я совершил большую ошибку, попросив сделать что-то, в результате чего погибли люди. Они военные — им дали приказ. Это могло случиться и без меня, но это очень тяжелый и сложный опыт.»¹⁵

§2 Документальное кино и документальная фотография: моральные проблемы в отношении объекта и субъекта съёмки

Говоря об этике и о том, должен ли человек с камерой вмешиваться в ход событий, обычно в первую очередь вспоминают случаи, которые привели к гибели людей – видимо, такие примеры выглядят более показательными и ужасающими. Репортажников, слетающих со всех концов планеты на место трагедии, чтобы снять кадры «погорячее», многие осуждают и сравнивают со стервятниками. Но разве документалист, снимающий жизнь простого человека, не находящегося в эпицентре катастрофы, а просто переживающего личную трагедию, не похож на такого же стервятника?

Такой вопрос, как правило, не встает перед новостными фотографами и перед операторами, снимающими новости. С моральными дилеммами, которые связаны с простыми людьми и рядовыми событиями, сталкиваются в основном документальные фотографы и режиссеры. Несмотря на то, что они

---

¹⁵Лучшие фотографии страны: Юрий Козырев <http://gorod.afisha.ru/archive/best-photo-jurij-kozirev/>

не встают перед необходимостью снимать массовую гибель людей и разрушения, этическая проблематика для режиссеров документального кино и фотографов также существует, ведь в документальных фильмах и фотоисториях показывается жизнь реальных людей, их моменты радости и горя, взлёты и падения. Поэтому остро встает вопрос отношений с героем – что стоит показывать, а что нет? Стоит ли вторгаться в момент частного горя или можно снять хорошую историю без драмы? А если без драмы не получается, то что важнее – достоинство человека или сюжетный поворот, который, возможно, перевернет сознание зрителей и поможет под новым углом взглянуть на проблему?

Большинство режиссеров доккино сходятся во мнении, что если человек хочет сеять разумное, доброе, вечное, то ему в документалистике делать нечего. Фильм без конфликта – внутреннего или внешнего – неинтересен. И если в игровом кино конфликт придумывается сценаристом, там актеры отыгрывают страдания, боль, драки и слёзы, а потом возвращаются в спокойной уютный мир, то в документальных фильмах это реальные трагедии, настоящие драмы и иногда сломанные судьбы. Сергей Дворцев в интервью журналу «Сеанс» говорил, что документальное кино – жанр во многом аморальный, и что если режиссер будет думать о том, как бы не обидеть героя, то фильм у него выйдет бездарный, тусклый. Основная моральная дилемма, по его мнению, заключается в том, что чем хуже и труднее герою, тем режиссеру и фильму лучше. «Драма — это конфликт, в драме проявляются характеры. Ты, как хирург, режешь по живому. Но не для того, чтобы помочь людям, а ради большого искусства. Вы легли бы на операционный стол ради большого искусства? И хотя я стараюсь помочь в жизни своим героям, помощь эта бытовая. И, помогая им, я знаю, что на самом деле снимаю кино. И что чем дальше я зайду, тем для них будет хуже. И что они не воспримут мой фильм адекватно. Скорее всего, он покажется им оскорбительным.»¹⁶

¹⁶Мышеловка. Сеанс, №31 <http://seance.ru/n/31/sjuzhet31/myishelovka/>

Такого же мнения придерживается и режиссер Виктор Косаковский: «Я хотел бы в разговоре о документальном кино снять с повестки дня моральную проблематику. Это глупая ересь, когда мы говорим об этом ремесле.»¹⁷

Эти слова могут показаться циничными. Так и хочется сказать Косаковскому, мол, хорошо рассуждать о снятии моральной проблематики, когда ты по ту сторону съёмки. Однако режиссер бесстрастен и по отношению к себе: в фильме «Среда. 19.7.1961» он примеряет на себя шкуру человека, оказавшегося под прицелом камер. «Среда. 19.7.1961» - кино о людях, родившихся с режиссером в один день. После каждого съёмочного дня съёмочная группа заезжала к матери Косаковского попить чай, пока в один из таких послесъёмочных вечеров мама не скончалась как раз в момент их присутствия в квартире. И Косаковский дал съёмочной группе распоряжение снимать сцену его прощания с матерью. Это было честно по отношению к другим героям фильма - он снимал их в тюрьме и в сумасшедшем доме, в густонаселенных коммуналках и на бракоразводном процессе, и вот в вечер маминой смерти – тяжелый поворотный момент в жизни любого человека – он снял себя. Впрочем, после выхода фильма режиссера упрекали в нарциссизме, на что он парировал словами: «...если ты имеешь право что-то показать, то только свое, себя. В том-то и дело, что я свою собственную мать снял. Я же не сидел и не ждал, как стервятник, пока кто-то из моих героев умрет.»¹⁸

Лучшей метафорой того, что, о чем бы режиссер ни снимал фильм, он снимает себя, я бы назвала фильм Герца Франка «Флешбэк». Франк снял то, как ему делают операцию на сердце, не скрывая натуралистичных деталей разрезания грудной клетки и прочих медицинских подробностей. Оператор по ходу действия задавал врачу уточняющие вопросы, и хирург комментировал операцию. Затем, монтируя фильм, Франк голос оператора

---

¹⁷Болевая точка. Сеанс. Блог. <http://seance.ru/blog/bolevaya-tochka/>

¹⁸Там же

заменял на свой собственный голос, то есть вышло, что сам режиссер спрашивает у врача, что у него с сердцем, какую часть тела ему в данный момент разрезают и т.д. На мой взгляд, это отлично иллюстрирует то, что главный герой документального фильма – это его автор. «Они [документалисты] снимают авторское кино, манипулируя при этом живыми людьми¹⁹», - утверждал режиссер Александр Роднянский.

В принципе, понятно, для чего фильм нужен режиссеру. А нужен ли он герою? На самом деле да, иначе герой не впускал бы съёмочную группу в свою жизнь. Многие документальные фильмы снимаются про «маленького человека» - героя, до которого в реальной жизни никому особо нет дела. Он просто живёт своей жизнью. Он не герой в общепринятом смысле этого слова, а обычный человек. И зачастую для такого человека съёмки фильма про него – это в первую очередь шанс высказаться. Советский режиссер Марина Разбежкина говорила, что кино для героев – это такой своеобразный сеанс психотерапии, а режиссера в данном случае сравнивала с попутчиком в поезде, которому человек доверяет то, что не рассказывает близким.²⁰ А Сергей Мирошниченко был для героев его многосерийной картины «Рожденные в СССР» кем-то вроде дальнего родственника, который раз в несколько лет заезжает к ним (в фильме показана жизнь героев сначала в 7 лет, затем в 14, потом в 21 год и 28 лет), интересуется их жизнью, пьёт с ними чай и вновь пропадает на несколько лет. Режиссер рассказывал, что иногда дети использовали съёмки как дневник и попытку рефлексии происходящего в их жизни. И чем старше они становились, тем больше отдавали себе отчёт в том, что сказанное ими узнает не только Мирошниченко. Они всё больше взвешивали свои слова и действия. В 21 год некоторые герои вовсе отказались от съёмок, будучи не готовыми излить душу перед миллионной аудиторией.

---

¹⁹Обмен. Сеанс, №31 <http://seance.ru/n/31/sjuzhet31/obmen/>

²⁰Эффект попутчика. Сеанс, №31 <http://seance.ru/n/31/sjuzhet31/effekt-poputchika/>

Порой люди соглашаются на съёмку в надежде, что их жизнь изменится. Например, режиссеру А.Роднянскому однажды написала женщина по имени Мария - дочь осужденного на смертную казнь. Так родился фильм «Свидание с отцом», где Роднянский запечатлел последнюю встречу Марии и её папы. Это тот случай, когда герой делает режиссера своим инструментом: Мария надеялась, что после выхода фильма дело пересмотрят и отца признают невиновным. Но приговор не изменили.

Мне кажется, что упомянутый Роднянским термин «манипулирование» в контексте отношений героя и съёмочной группы не совсем верный. Конечно, хороший режиссер должен понимать, как найти подход к человеку, которого он снимает, и какие вопросы задать, чтобы у фильма появился сюжет. Он намечает возможные конфликтные ситуации, чтобы получилась не просто акынская песня, а настоящее кино. Режиссер проходит часть жизненного пути вместе с героем, но он не приказывает ему свернуть на ту или иную развилку – он наблюдает за тем, как поведет себя человек, и документирует это. При этом почти всегда приходится задавать какие-то вопросы или подталкивать к конфликтным ситуациям, в которых герой мог бы максимально раскрыться. Впрочем, некоторым режиссерам даже интервьюирование героя кажется излишним вмешательством и манипуляцией человеком ради авторской идеи. На мой взгляд, если режиссер с помощью героя подводит зрителя к задуманному им выводу – это манипуляция. А если остаётся пища для размышлений, если невозможно дать однозначный ответ, основанный на авторской оценке, то вмешательство режиссера в реальность вполне допустимо.

Так или иначе, на вопрос о том, меняет ли документальное кино жизнь человека, который стал его героем, все режиссеры отвечают утвердительно. Как бы ни хотелось режиссеру не вмешиваться в процесс жизни героя, он всё равно это делает одним лишь своим присутствием. Еще больше меняется жизнь снимавшегося, если фильм получает большой общественный резонанс.

Так было, например, с героем фильма «Рожденные в СССР» Андреем – детдомовским мальчиком из Иркутска, игравшего на дудочке и мечтавшем о велосипеде. После выхода фильма в детский дом посыпались тысячи писем с просьбой усыновить Андрея и сотни посылок с велосипедами. В результате Андрея усыновила пара из Америки – они тоже узнали об этом ребенке благодаря выходу кинокартины. Но это оказалось сказкой с несчастливym концом: в семье и в стране мальчик чувствовал себя чужим, и в 21 год отказался от съёмок, сказав, что нельзя вытащить человека из его шкуры и насильно пересадить в чужую. Режиссер в многочисленных интервью говорил, что чувствует свою вину за произошедшее.

С документальной фотографией примерно та же история, что и с документальным кино. Самая большая разница заключается в том, что в кино мы можем услышать прямую речь человека, а фотографии её не передают, и зритель может увидеть только небольшие описания к снимкам (или просто описание истории в целом). Общение фотографа и героя для нас невидимо, но это не значит, что его нет, и что фотограф не сталкивается с теми же проблемами морального выбора и выстраиванием личных границ, что и режиссер документального кино. И влияние на жизнь человека публикации в газете фотоистории о нем может оказаться даже более разрушительным, чем последствия съёмок в документальном кино, так как у доккино аудитория всё-таки уже, чем у средств массовой информации.

Один из ярчайших примеров таких последствий – история инвалидов Руслана и Вити, снятая фотографом Дмитрием Марковым в 2015 году. Руслан и Витя – это отец и сын: отец – инвалид физический (передвигается на коляске), сын – ментальный. Марков проводил с семьей очень много времени, снимая их жизнь в мельчайших деталях. После нескольких публикаций в прессе на Витю с Русланом обратили внимание волонтеры и чиновники, и забрали Витю в коррекционный интернат. Казалось бы, в данном случае вмешательство фотографа в жизнь тех, кого он снимает,

привело к разрушению семьи, но Марков, игнорируя негласный принцип невмешательства снимающего в жизнь снимаемого, сумел добиться возвращения Вити обратно к заботливому отцу. Но дальнейшая история становилась всё более разрушительной для героев. Если до того публикация репортажа имела явно негативные последствия, то после возвращения ребенка в семью к ним ринулось слишком много людей, желавших помочь. Ситуация вышла примерно такая же, как с Андреем из «Рожденные в СССР» и велосипедами: когда фотограф написал на своей странице в фейсбуке, что Руслану нужна новая инвалидная коляска, ему на счет в считанные часы поступило столько денег, что хватило бы на десяток колясок, и даже когда Марков убрал номер счета, деньги продолжали поступать. Неведомыми путями добрые люди вывели адрес Руслана и со всех концов страны стали присылать ему вещи, одежду, еду. Такого резонанса не ожидали ни фотограф, ни его герои. Оказалось, что помощь помощи – рознь. В своём блоге Дмитрий Марков написал: «Важно понимать: Руслан с Витей - это не конкретная семья, а отдельная категория. Можно, конечно, прямо завтра все наладить: снять жилище возле школы, куда приписали мальчика, прикрепить волонтеров и забить холодильник тетрадиками. Но что будет с другими Русланами, истории которых не столь фотогеничны и пронзительны? И потом, бессмысленные и беспощадные благотворительные деньги всегда развращают».²¹

Как стоило фотографу повести себя в этой ситуации: не вмешиваться и продолжать снимать разделенную семью или поступить так, как он поступил? Это та самая вечная дилемма «спасать или снимать», которая неизбежно возникает и у фотографов, и у режиссеров, и у операторов, когда они снимают опасные ситуации или конфликты.

§3 Дилемма «снимать или спасать»

---

²¹19. Блог Дмитрия Маркова. <http://dcim.livejournal.com/509648.html>

Каждый снимающий совершает моральный выбор самостоятельно. Кто-то считает, что человек с камерой – это всё-таки в первую очередь человек, и он должен протянуть руку помощи, а уж потом думать о съёмке; кто-то уверен, что если ты снимаешь не для семейного альбома, то ты в первую очередь профессионал и должен выполнять свою работу; некоторые пытаются найти золотую середину – и снять, и помочь – но, как правило, выходит это неудачно.

Каковы же аргументы в пользу того или иного выбора?

Те, кто придерживаются позиции «сначала спасать, а потом снимать» апеллируют к идеалам гуманизма. По их мнению, фотограф и оператор, хоть и находятся на задании, остаются в первую очередь людьми, и должны относиться к героям как к таким же людям, как они сами. Военный фотограф Виктория Ивлева на всех своих лекциях и мастер-классах повторяет, что в дилемме «снимать или помогать» не может быть иного ответа, кроме как «помогать». Она говорит о том, что множество удачных кадров из-за этого она так и не сняла, но ни об одном из упущенных снимков она не жалеет.

Быть может, человек, который приехал на войну или на место катастрофы снимать, действительно спасет чью-то жизнь, отложив камеру и кинувшись выносить раненых солдат из окопа или младенцев из горящего авиалайнера. Но если бы все операторы и фотографы на поле боя превращались бы во врачей, то мир не увидел бы множества великих фотографий и памятных кинохроник, как, например, знаменитую фотографию вьетнамской девочки, обожженной напалмом. Всем, конечно, знаком этот снимок Ника Ута – обнаженная девочка, крича, бежит по дороге. Её одежда сожжена напалмом. С ней бегут и другие дети (среди которых её брат, лишившийся глаза). Этот кадр всколыхнул общественность и стал одним из двух снимков, которые в итоге привели к прекращению войны во Вьетнаме (второй – «Казнь в Сайгоне»). После его публикации поднялась волна протестов, этим фото был впечатлен даже тогдашний президент США

Ричард Никсон. Именно благодаря вьетнамской войне зародилось движение хиппи: молодые люди в Америке стали протестовать против войны после публикации снимка с обожженной напалмом девочкой.

Ник Ут остался на войне фотографом, а не превратился во врача или солдата-любителя. Он и другие фотографы всё-таки попытались помочь девочке, однако вмешательство непрофессионалов не только не помогло, но даже сделало хуже: журналисты облили девочку водой, не зная, что это провоцирует еще большие ожоги, и состояние девочки ухудшилось. К счастью, врачи её всё-таки сумели спасти.

«Каждый должен выполнять свою работу» - это аргумент тех, кто считает, что фоторепортер и видеооператор должны в первую очередь помнить о профессиональном долге. Режиссер Виталий Манский даже уволил своего оператора, с которым они были хорошими друзьями, за то, что тот, снимая секретаря Горбачева, отложил камеру и побежал вызывать скорую, когда секретарю стало плохо. Он и работу свою не сделал, и к телефону подбежал далеко не первый – до него врачу уже позвонило несколько человек.

§4 Границы этичности в съёмках смерти

Некоторые упрекают людей с камерами в циничности и бездушности, когда те снимают страдания людей, а не помогают им. Но съёмки воздействуют не только на героев, есть и «обратная связь» - жизнь того, кто снимал, тоже меняется, особенно если дело касается военных съёмок. О посттравматическом синдроме солдат написано немало статей, об этом явлении знают даже неспециалисты. Но почему-то мало кто задумывается о том, что тот же синдром испытывают побывавшие в зонах военных конфликтов журналисты, фотографы, операторы. Известный военный фотограф Стенли Грин в 2004 году поехал в Ирак, надеясь снять героических

повстанцев, но вместо этого его первым делом привели к обуглившимся телам юных контрактников Blackwater. «Зрелище этих сожженных тел потрясло меня... Когда я вернулся в отель, я сел и заплакал. Я чего-то лишился в тот день и знал, что это уже никогда не вернется».²²

Всё-таки, говоря о влиянии увиденных ужасов на человека с камерой, мы не говорим об этике. В конце концов, ехать или не ехать на войну – это личный выбор снимающего. А стоит ли показывать зрителям то же, что увидел фотограф или оператор? Стоит ли людям, сидящим у телевизора или экрана монитора, в красках видеть всё происходящее на передовой или в месте массовой гибели простых граждан?

Очень сложно сделать сильную фотоисторию про онкологию, не показывая мучения раковых больных. Не менее трудно показать весь ужас и жестокость войны без кадров с жертвами. Такие хроники надолго врезаются в память, они воздействуют на общество и иногда действительно способны изменить мир к лучшему. Но каково тем людям, которые попали под прицелы камер, находясь далеко не в самом приглядном свете? А если это фотографии убитых, то как чувствуют себя их жёны, дети, мамы, видя окровавленное тело любимого человека?

Если говорить о снимках войны, то всегда было строгое правило: не показывать лица убитых. Рассматривая фотографии времен Второй Мировой войны, мы легко можем заметить, что все убитые либо укрыты, либо лежат лицом к земле, либо же их лица отвернуты от камеры. Разобрать, кто именно на снимке, невозможно. То же самое и с видео. Сейчас, даже если снимают жертв крупным планом, лица «заблюривают» так, чтобы их невозможно было распознать.

Однако, чем страна географически дальше от цивилизованного мира, тем меньше такта проявляют журналисты. Что возникает перед нашим

---

²²Грин С., Тёр ван дер Хейден. Чёрный паспорт. Пер. с английского Гавриловой С. при участии Шляпниковой О. и Шпаковой А. М: Л.Гусев, 2009. – Сцена 17.'04. Ирак.

мысленным взором, когда мы вспоминаем фотографии из Африки? Большие глаза умирающих голодных детей, измученные СПИДом африканцы, объятые страхом тутси во время геноцида 1994 года... Эти фотографии показывают нам трагедии, которых не должно быть в цивилизованном мире, они рассказывают о тех бедах, которые следует искоренить. И с помощью фотографии журналисты доказывают: да, эти трагедии действительно происходят, эти люди умирают. Но думают ли фотографы о том, что чувствуют люди, когда их последние дни и минуты жизни проходят под прицелом объективов? Какова вероятность того, что выжившие родственники героев фоторепортажей через несколько лет не обнаружат кадры с мучительной агонией близких? Получается, что границы этичности в этом случае определяются границами географическими.

Российского фотографа Максима Авдеева, снимавшего бои на Донбассе, нередко упрекали в излишней натуралистичности сцен. Но и он, несмотря на то, что снимал смерть, придерживался того же правила – не показывать лица убитых: «Я старался снимать так, чтобы не было обезображенных лиц крупным планом. Наверное, больно увидеть, как это происходило с близкими людьми... Я придерживаюсь правила: если на фото видно человека, родственники не должны узнать о его смерти из медиа. И я не нарушил его в этих фотографиях.»²³

С общечеловеческой точки зрения публикация таких фотографий недопустима. Но как же тогда показать весь ужас войны, как рассказать о проблемах голода и нищеты? Прочитанные за завтраком строчки некрологов забываются уже к обеду, а фотографии и кадры кинохроники остаются в памяти надолго.

К счастью, мир не делится лишь на чёрное и белое. В последние пару десятков лет эстетика и этика в визуальном идут рука об руку. Это

---

²³Это почти вторая мировая война, только больше градов. Онлайн-издание Ишкв шт Flight <https://birdinflight.com/ru/vdohnovenie/opyt/maksim-avdeev-eto-pochti-vtoraya-mirovaya-vojna-tolko-bolshe-gradov.html>

подтверждают фотографии, представленные на таких значимых конкурсах как World Press Photo и РОУІ, и документальные кинокартины на фестивале «Послание к человеку». Снимки, побеждающие в последние годы на World Press Photo, рассказывают о далеко не счастливых и радужных событиях – войне, беженцах, дискриминации – но при этом запечатлены на них не оторванные конечности и обуглившиеся трупы. Напротив, фотографии пропитаны состраданием фотографа и... красотой. Странно говорить о красоте жертв геноцида в Либерии²⁴ или о красивом натюрморте с кровью в обстрелянном Донецке²⁵, но иначе не скажешь – фотографии похожи на полотна художников. Шокирующие фотографии трупов остались в прошлом: несмотря на то, что на снимках мы всё еще видим смерть, ожоги и раны, это всё равно уже не просто фото как констатация факта, а в некотором роде художественное произведение, интерпретация страдания через призму эстетики.

Но не является ли поиск красивого в трагедии таким же неэтичным, как и поиск наиболее шокирующего? «То, что кровавая батальная сцена в исполнении художника может быть красива — возвышенной, устрашающей или трагической красотой, — общее место. С фотографическими изображениями дело обстоит иначе: находить красоту в военных снимках кажется бессердечием»²⁶, - писала Сьюзен Сонтаг. Выходит, поиск красивого кадра, идеальной композиции и эстетики при съёмках смерти кажется столь же неэтичным, что и грубое выхватывание в кадр искореженных лиц убитых.

Можно бесконечно долго упрекать фотографов и операторов в неэтичном, бездушном поиске шокирующего или красивого кадра. Однако сейчас почти у каждого есть камера в телефоне, и буквально по пальцам можно пересчитать людей, которые ею не пользуются. Мир поглощен любительскими фотографиями, и потому визуальная информация, в первую

---

²⁴Речь идёт о снимке Керолин Коул на World Press Photo 2004

²⁵Снимок Сергея Ильницкого «Кухонный стол после миномётного обстрела», World Press Photo 2015

²⁶С. Сонтаг. Смотри на чужие страдания. М., Ad Marginem, 2014. С.63

очередь именно фотография, стала менее запоминающейся, так что профессионалу нужно снять так, как не снимет любитель, иначе его деятельность теряет всякий смысл.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сказать, что съёмка меняет жизнь её героя, иногда до неузнаваемости. В каких-то случаях это стоит человеку жизни, но иногда, наоборот, благодаря съёмке жизнь его улучшается. Фотографы и режиссеры сходятся во мнении, что камера не должна убивать, но профессионал в ходе своей деятельности неизбежно вынужден нарушать общепринятые нормы этики (например, невмешательство в частный момент горя и бережное отношение к страдающему), чтобы «зацепить» зрителя и, таким образом, постараться изменить общество к лучшему.

Глава 3.

Зритель как моральный субъект визуального пространства

§ «Шоковая терапия» как феномен визуальных медиа

В жизни современного человека достаточно быстро наступает момент, когда он перестает быть шокирован снимками и видео, когда жуткие сюжеты становятся для него привычными. Самый простой пример из повседневной жизни – устрашающие картинки на пачках сигарет. Изначальная идея печатать на сигаретах фотографии рака, изуродованных младенцев и преждевременного старения была воплощена для того, чтобы подобные кадры ужасали курильщиков и заставляли задуматься о последствиях употребления никотина. Но что получилось в итоге? Изображения на пачках никого уже не шокируют; напротив, некоторые заядлые курильщики даже коллекционируют их и иногда просят в ларьке поменять «бесплодие» на «рак», аргументируя это тем, что «бесплодие» им уже попало в прошлый раз и хотелось бы разнообразия.

То же самое происходит и с теми, кто регулярно смотрит новости. Те кадры, которые могли шокировать зрителей несколько лет назад, сейчас не останутся в памяти. Человек не может бесконечно пугаться – мозг быстро привыкает, и это нормально. Сейчас нас окружает такое обилие визуальной информации, что она уже не способна тронуть так, как цепляла зрителей 30-40 лет назад. Репортажи о войнах, терактах, кадры с изувеченными людьми настолько прочно вошли в жизнь современного человека, что стали уже своего рода рутиной. В эссе «О фотографии» Сьюзен Сонтаг писала, что эмоциональный отклик людей теряет остроту из-за непрерывного показа вульгарных и страшных изображений. Соответственно, для того, чтобы фото или видеосюжет зрителя «зацепил», он должен быть еще более шокирующим и страшным, чем то, что показывалось ранее. С каждым годом эта задача становится всё более и более сложной, несмотря на постоянное усовершенствование техники – кажется, зритель видел уже всё, удивить его невозможно, проявляется феномен «усталости сострадать». Поэтому в погоне за удачным кадром фотографы и операторы зачастую забывают об этике. И уже непонятно, кто же виноват в этом больше – тот, кто снимает или тот, кто смотрит?

Исследователь визуальных медиа Мария Гурьева на одной из своих лекций рассказывала историю, поразившую её на фотофестивале. Несколько десятков фотографов собрались в банкетном зале и, попивая чай с тортом, смотрели на экране фотографии коллег. Один из фотографов, месяц проживший с бездомными мальчишками, показал там свою серию – вот мальчики нюхают клей из пакета, вот спят на грязных трубах, вот они выхаживают избитого милиционером товарища и вскоре оплакивают его, уже умершего. На экране показывалась жизнь детей – жуткая, где-то неприглядная, в каком-то смысле извращенная. Фотографы глотали эти снимки так же, как глотали торт, и никто, кроме Марии, не ужаснулся этой сцене: только что нам показывали котиков, затем балерин в театре, потом

умирающих от клея бездомных детей, затем бабушку с поросятами, после теракт... Эта история не о том, какие фотографии циничные и как они смеют пить чай, когда на экране показывают человеческие страдания, а скорее о том, как зритель привык к ужасам, которые ему показывают, и как поток с фотографиями и видео дистанцирует человека от происходящего, как он уже перестаёт быть соучастником событий и становится простым поглотителем бесконечного потока информации, которую транслирует медиа.

«Редкие в природе, катаклизмы отныне стали неотъемлемой частью нашей повседневности. Происшествие становится объектом визуального наслаждения, оно возобновляется по желанию, но публика в скором времени перестаёт им довольствоваться. Всеобщее разрушение мира, предназначенное для удовольствия властителей вроде Нерона перестаёт быть развлечением элиты. Кинематограф сделал разрушение популярным зрелищем, можно сказать, настоящим массовым искусством XX века.», - писал французский философ Поль Вирилио.²⁷

Смерть людей, природные катастрофы, крупные аварии и страдания в новостях давно никого не удивляют. Более того, смерть становится в некотором роде правильной, закономерной, нормальной, новости без фотографий или видеохроник катастроф и страданий неинтересны. Это кажется мне поразительным: с одной стороны, благодаря СМИ фотосюжеты и видеохроники с мест катастроф, войн и терактов делают нас будто сопричастными событию, создают иллюзию присутствия и даже в некотором роде превращают зрителей в соучастников происходящего, однако, с другой стороны, мы не чувствуем смерть героев репортажей как смерть близких людей, и быстро забываем катастрофы с небольшим количеством погибших. Возможно, это вызвано тем, что телевидение, печатные и онлайн издания не показывают натуралистичные подробности смерти. Однако зритель выбирает смотреть на увечья, горе и смерть, и тут на помощь приходит интернет, где можно найти кадры с отрубленными головами, изувеченными телами и всем

²⁷П.Вирилио. Информационные войны. Стратегия обмана. М., 2002.

тем визуальным рядом, который не показывают СМИ. В этом случае можно говорить о моральном выборе зрителя. Люди хотят смотреть на страдания, иначе сайты с таким контентом не пользовались бы популярностью. Можно ли говорить в этом случае о циничности общества? В статье «Десакрализация смерти на телеэкране» Е.Г. Ним пишет следующее: «Мотив влечения к смерти на экране – не только эгоистическое самоутверждение своей жизни за счет небытия других, не только всплывающий из бессознательного зов к зрелищу публичных казней. Это также желание узнать и понять смерть еще при жизни, не умирая. Избавиться от страха, страшит ведь неизвестное. Сделать смерть «известной», примерить на себя, подглядеть ее таинство.»²⁸

Видеохроники войн и убийств стали привычными. Фотографии терактов и раненых людей – тоже. Смерть вошла в каждый дом через экраны телевизоров и мониторов, через газеты и журналы – и мы привыкли к ней. Зритель смотрит на смерть и увечья не только от того, что ему интересно прикоснуться к её таинству, но и потому, что он привык к таким кадрам. «Человек так устроен: он требует информации. Если мы сейчас перестанем показывать Грозный, Беслан, «Норд-Ост» — народ начнет волноваться: «А почему это нам ничего не показывают? Значит, что-то там не то.»²⁹, - говорил режиссер Эдуард Джафаров. Действительно, когда где-то гремит взрыв, то первым делом большинство людей ищут снимки и видео с места событий, ведь они дают некую иллюзию того, что зритель увидел достоверное свидетельство события. Такие видео за совсем небольшое количество времени набирают рекордное количество просмотров.

При этом, конечно, зритель всё равно не становится очевидцем события. Он видит только то, что снято фотоаппаратами и операторами, но не более того. В отличие от очевидцев, он не хранит уникальные воспоминания и уникальные переживания от события (он, впрочем, может хранить воспоминания от увиденного на экране или на развороте журнала, но это уже

---

²⁸Е.Ним Десакрализация смерти на телеэкране. Медиафилософия II: границы дисциплины.

²⁹Чем пахнут ремесла. Сеанс, №25-26 <http://seance.ru/n/25-26/vertigo/chem-pahnut-remesla/>

будет воспоминание об интерпретации события, которое увидел человек с камерой).

§2 Что хочет и может видеть зритель?

Возникает еще один вопрос: видит ли зритель лишь то, что он хочет увидеть? И может ли он увидеть то, что видеть не хочет?

С одной стороны, новостные фотографии и видео – это задокументированные моменты, и до широкого распространения фотошопа и программ видеоредактирования зрители не могли усомниться в подлинности этого момента. Но, с другой стороны, визуальная информация – это не только изображение, но и некий «культурный код», который вложил снимающий и код, который способен считать зритель. Таким образом, можно сказать, что одни и те же кадры разные люди видят по-разному, руководствуясь культурным и интеллектуальным уровнем, опытом, воспоминаниями. Получается, что фотография и видеоряд – это не только визуальные документы, подтверждающие, что то или иное событие произошло, но и своего рода личная запись, которую каждый трактует по-своему.

Именно поэтому фотографии зачастую используются в пропагандистских целях. Проведем мысленный эксперимент: представим кадр с окровавленным человеком на Майдане, датированный февралем 2014 года. Контекст понятен – это человек, который был ранен в ходе зачистки лагеря ополченцев на Майдане в Киеве. Но больше, если нет подписи и если фотокорреспондент не спрашивал ни о чём героя кадра, мы не знаем ничего. И остаётся додумывать: был ли это ополченец, которого ранили беркутовцы (спецподразделение МВД Украины)? Или это случайный прохожий? Или это, возможно, такой же журналист, который просто попал под раздачу? А может, его никто не ранил, он просто упал? И вообще, Киев ли это, может, это просто большое сборище людей на, допустим, ярмарке, где кто-то с кем-то подрался? Но сознание среднестатистического гражданина, который хотя бы в общих чертах слышал о ситуации, сразу достраивает общую картину, и,

скорее всего, выберет первый вариант – это ополченец, попавший под обстрел Беркута.

В этом вопросе наиболее показательным мне кажется пример с фотографиями и видео выпрыгивающих из горящих башен-близнецов жертв теракта 11 сентября 2001 года. По разным данным, из небоскребов во время теракта выпрыгнуло от 70 до 200 человек. Сначала кадры с падающими людьми новостные каналы включали в хронику наравне со съёмкой дымящихся башен, пожарных бригад, обломков небоскребов. Но вскоре кадры с летящими из окон жертвами теракта изъяли из открытого доступа. Их больше не показывали в новостях, не печатали в газетах. Зрители сопротивлялись тому факту, что примерно каждая седьмая жертва теракта погибла, выпрыгнув из окна, то есть по факту совершив суицид, а не выбрав мученическую смерть в огне. Через несколько дней после трагедии, когда фотографии падающих людей стали табу, фотограф Ричард Дрю, сделавший снимок «Падающий человек» (сейчас этот кадр знаменит на весь мир, но тогда от него открещивались), обратился к главному судмедэксперту Нью-Йорка, чтобы узнать точное количество прыгнувших. Однако ему ответили, что никто никуда не прыгал, просто людей выбрасывало из зданий взрывной волной. Однако на многих снимках было видно, что люди, надеясь спастись, летят на самодельных парашютах, сделанных из подручных материалов, что свидетельствует о том, что выпали они всё же отнюдь не из-за силы взрывной волны. Но родственники, друзья, знакомые погибших и просто сопереживавшие трагедии американцы отказывались в это верить. «Фотографии тех, кто прыгал из окон башен, отличаются от многих других, виденных нами раньше, лишь тем, что теперь нас — нас, американцев, — просят заняться дискриминацией от имени погибших. Их историческая особенность в том, что мы, патриоты Америки, сами согласились не смотреть на них. Десятки, а может, и сотни людей погибли, выбросившись из горящего здания, но мы каким-то образом решили, что их судьбы не стоят

свидетельства, потому что в данном случае засвидетельствовать случившееся недостойно нас»³⁰.

Было кое-что примечательное и в видеопозаке этой трагедии. Первые дни новостные каналы с утра до вечера крутили одни и те же кадры: самолёт врезается в башни, всё обволакивается дымом, небоскребы горят и рушатся. Но вскоре CNN изъяло из показа свои же кадры с врезавшимися в башни-близнецы самолётами, которые уже неоднократно посмотрели зрители всего мира. Это могло бы вызвать вопросы и недоумение у тогдашнего зрителя, но эти кадры уже настолько всем приелись, что все только, кажется, вздохнули с облегчением.

Этот теракт произошёл в начале века, и обозначил новый век – не календарный, а фактический: век шоу. Что видели люди у телеэкранов всего мира в те дни? Они видели взрывы, дым, самолёты в башнях. Видели ли они людей, выпрыгивающих из горящих зданий? Нет. Видели ли тех, кто разбирает завалы? Нет. Видели ли священников, соборовавших погибших прямо на месте трагедии? Нет, нет, нет. Они видели шоу – жуткое, щекочущее нервы шоу с горящими гигантскими зданиями и эффектно врезавшимися в них самолётами. Это выглядело будто кадры из голливудского фильма-катастрофы. Несмотря на то, что зрители знали о чудовищном количестве невинно погибших, они не видели в обрушении Всемирного Торгового Центра человеческую историю, потому что новостные каналы и бумажные издания её попросту не показывали.

Возможно, отсутствие кадров с людьми было проявлением тактичности по отношению к жертвам теракта и их родственникам. Здесь можно вновь обратиться к этическому запрету на показ лиц убитых. Однако на кадрах, которые показывало CNN, не было вообще людей. Лишь зрелищный взрыв, поражающий какой-то неясной притягательной красотой – если бы у террористов была реклама, то эти кадры вполне можно было бы в неё включить.

---

³⁰Том Джунод. Падающий человек. – Esquire, №3, 2009.

Кто виноват в том, что из трагедий и войн исчезли люди? Зрители, которые в первые дни после теракта обеспечивали новостным телеканалам небывалые рейтинги («Зрители просили и требовали одних и тех же сцен, то ли подпитывая своё негодование, то ли теша свой подсознательный садизм³¹», - писал об этой катастрофе Умберто Эко)? Но во все времена люди были падки на зрелища – вспомним хотя бы публичные казни и гладиаторские бои! Может, вина лежала на телевизионщиках и в частности на выпускающих редакторах? Ведь именно они выбирали, что показывать, а что в эфир пускать не стоит. А может, виноваты террористы – не только в том, что стали причиной гибели людей, но и выполнили по-голливудски эффектную атаку?

На мой взгляд, вину в таком повороте визуальных медиа разделяют все стороны. Усовершенствование техники и развитие видеоредакторов привело к тому, что в голливудских блокбастерах всё выглядит очень красиво и эффектно. Зритель, даже не увлеченный жанром фильмов-катастроф, привыкает к красивым картинкам, которые видит повсюду – трейлеры фильмов, постеры, реклама. В то же время новости ежедневно поставляют человеку на выбор множество трагедий, и вследствие этого, как уже было сказано в начале главы, восприятие притупляется, зрителя всё сложнее поразить. Обычно взрывы из голливудских фильмов и новостные ленты в сознании зрителя не пересекаются, но террористам удалось совершить зрелищную, «киношную» атаку. Поэтому фрагменты зрительского сознания в этом случае совместились, а телевизионщиком просто осталось подать кадры в том виде, в котором зритель был готов их воспринять. Поэтому, как мне кажется, здесь нет одного виноватого, и уж тем более вина в полной мере не ложится на одного лишь зрителя. Даже, скорее, зритель в данном случае меньше всего несет ответственность.

§3 Образ современного российского зрителя (на основе исследования)

---

³¹У.Эко. – Полный назад! «Горячие войны» или популизм в СМИ. Пер. Е.Костюкович. Астрель, 2012.

В 2015 году мною совместно со студентом 4 курса кафедры этики Чуркиным А.Д. было проведено исследование об ответственности и выборе зрителя визуального контента СМИ. В качестве респондентов были выбраны мужчины и женщины трех возрастных групп: молодежь (от 18 до 30 лет), зрелый возраст (31-55) и пожилые (56-70). Респондентам предлагалось поразмышлять об их вовлечённости в информационный поток, об этической ответственности СМИ, о роли зрителя в формировании визуального нарратива. Проведённое исследование на основе глубинных интервью позволяет сделать следующие выводы. Значительная часть респондентов регулярно читает средства массовой информации, но чаще просто пролистывают, читая только те статьи, где их привлек либо заголовок, либо фото. Так же большинство осознанно сталкивается с рекламой или другим видом упоминания тех СМИ, которые им не нравятся. Это говорит о большой вовлеченности в систему передачи и поглощения новостной информации. Если СМИ формирует мнения на уровне общества, то на индивидуальном уровне, ситуация совершенно иная, потому что каждый респондент осознаёт, что СМИ имеют много негативных последствий, таких как пропаганда, ложь, искажение информации, что ведет к манипуляции обществом, и они стараются избегать чрезмерного влияния СМИ. Это выражается в том, что большинство отрицательно отозвались о чувстве информационного голода, и некоторые даже сказали, что существует пресыщение. Также большинство респондентов не чувствовали ответственности за то, что показывают СМИ, и говорили, что это не их выбор, им не хочется на это смотреть.

Таким образом, можно сказать, что в современном мире такое огромное количество визуального, что зритель не способен уследить за всем, и уж тем более не может брать на себя ответственность за то, что показывают по телевидению или печатают в журналах. Современный российский зритель устал сострадать жертвам катастроф и терактов, ему надоела политика, он не чувствует информационного истощения и даже хочет не видеть многое из того, что вынужден видеть на страницах газет, в Интернете и по телевизору.

Заключение

В начале исследования были поставлены следующие задачи: анализ визуальной информации как нарратива, исследование влияния снимающего на субъект съёмки и на ход снимаемых им событий, а также анализ влияния зрителей на формирование визуальной среды.

Исследование строилось на основании моральных кейсов, взятых непосредственно из визуальной среды. Это фотографии, повлекшие за собой смерть героев съёмки («Казнь в Сайгоне» Э.Аддамса, «Падающий солдат» Р.Капы), постановочные фото («Мемориал в Бельгии» Х. аль-Саббаха, «Поцелуй» Р.Дуано, «Знамя над Рейхстагом» Е.Халдея), фото, изменившие общество («Девочка, обожженная напалмом» Н.Ута) и жизнь героев съёмки («Руслан и Витя» Д.Маркова). Оказалось, что фотограф, даже не вмешиваясь сознательно в ход событий, всё равно меняет их и сильно влияет на жизнь того, кого снимает, одним лишь присутствием и последующей публикацией снимка. Также были рассмотрены моральные проблемы, возникающие в ходе видеосъёмки на примере документальных фильмов («Среда» В.Косаковского, «Флешбек» Г.Франка, «Рожденные в СССР» С.Мирошниченко).

В первой главе было проведено сравнение визуального и лингвистического поворотов. На основе сравнения и анализа литературы (в частности С.Зонтаг и У.Эко) было выявлено, что одно изображение олицетворяет собой не слово, а высказывание, и нет единственно верной

интерпретации этого высказывания. Визуальный нарратив зависит и от зрителя, и от снимающего, и от того культурного и исторического контекста, в который помещены зритель и снимающий. Ни фотография, ни видео не могут быть подлинными документами запечатленного события, так как зависят от того, что было взято в рамки кадра, а в случае видео зависят еще и от монтажа. Однако они могут служить подлинными документами той эпохи, в которую были созданы.

Во второй главе были рассмотрены моральные проблемы, возникающие во взаимоотношениях снимающего и снимаемого. В ходе исследования выяснилось, что процесс съёмки и последующий результат могут стоить жизни людям, но также могут и изменить общество в лучшую сторону. То есть можно сказать, что нет однозначного ответа на вопрос, убивает ли камера, и этично ли снимать смерть и страдания, каждый случай уникален. Но однозначно ясно, что съёмка сильно влияет на жизнь героя, даже если снимающий не вмешивается в ход событий – сам факт публикации снимка или показ видео уже делает человека не просто одним из миллиона, а героем, и снимающий должен осознавать возможные последствия. Была рассмотрена моральная дилемма «спасать или снимать» и аргументы как сторонников того, что нужно откладывать камеру и бросаться помогать, так и тех, кто считает, что профессиональный долг превыше всего и нужно в первую очередь снимать. Был сделан вывод о том, что вторжение в частные моменты горя географически близких нам людей неэтичны, однако, чем дальше страна находится от потенциальной аудитории снимка, тем больше вероятность того, что болезни, смерть, жертвы убийств и насилия будут показаны детально, без прикрас и без заботы о вторжении в момент частного горя.

В третьей главе было проанализировано влияние жестоких кадров и визуализации насилия на зрителей. В ходе исследования было выявлено, что зрители быстро привыкают к шокирующим кадрам, и единственный способ снова овладеть их вниманием и вызвать чувство сопричастности – снять что-

то еще более пугающее. На основе видеохроник и фотографий теракта 11.09.2001 был проведен анализ визуальной информации, подаваемой зрителям, в результате чего было установлено, что из показа трагедий практически исчезли люди, для зрителя стало меньше причин чувствовать себя сопричастным трагедии и сопереживать. Однако этическая ответственность за «усталость сострадать» лежит не только на зрителе, но и на фотографах, режиссерах, операторах. Также было выявлено, что зритель сам задает мысленный нарратив визуальному повествованию, и не видит то, что выходит за рамки установленного им нарратива. На основе проведенного исследования методом глубинного интервью и дискурс-анализа были сделаны выводы о том, что современный российский зритель испытывает информационное перенасыщение, а также он редко чувствует сострадание к жертвам катастрофы (если только там не было близких или знакомых), так как бедствия, войны и теракты показывают слишком часто.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что этическая экспертиза в визуальной этике – это не определенный институт, а скорее форма коммуникации. Причем эта коммуникация включает в себя и снимающих (фотографов, операторов, режиссеров), и зрителей, и философов, и критиков. Этическая экспертиза в основном производится не столько этиками и философами, сколько профессиональным журналистским сообществом, то есть происходит этическая рефлексия непосредственно самих фотографов, операторов и режиссеров.

Мне кажется, моральные проблемы, возникающие в визуальной среде, чрезвычайно актуальны в наши дни, так как современный человек поглощает очень много визуальной информации, подчас сам того не замечая. И потому проблемы визуальной этики должны всесторонне исследоваться не только философами, но и теми, кто генерирует визуальный контент.

Список литературы

- 1) У.Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Symposium, 2004
- 2) С. Сонтаг. О фотографии. М., Ad Marginem, 2012
- 3) Ю. Лебедев. «Ромовые бабы» голодного Ленинграда. <http://pavlovsk-spb.ru/primirenie-nad-voynoi/romovie-baby-golodnogo-leningrada.html>
- 4) В.Савчук. Медиареальность. Медиа субъект. Медиа философия (интервью). Сборник «Медиа философия», ч. II. СПб: 2009
- 5) С. Сонтаг. Смотрим на чужие страдания. Ad marginem, 2014.
- 6) Фотограф – всегда автор и манипуляция – один из инструментов <http://fotogl.com/entry.php?b=10>
- 7) Ж.Бодрийяр «Изнасилованное изображение» <http://www.photographer.ru/cult/theory/3685.htm>
- 8) История одной фотографии: «Знамя победы над Рейхстагом» <http://www.aif.ru/culture/classic/1160751>
- 9) Эффект Кулешова <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/704967>

- 10) Петербуржцы в Париже рассказывают о терактах прошлой ночи.
Интернет-газета Бумага. <http://paperpaper.ru/russians-in-paris/>
- 11) 10 фактов об обманчивой «Казни в Сайгоне» <http://prophotos-ru.livejournal.com/1409893.html>
- 12) Лучшие фотографии страны: Юрий Козырев
<http://gorod.afisha.ru/archive/best-photo-jurij-kozirev/>
- 13) Мышеловка. Сеанс, №31 <http://seance.ru/n/31/sjuzhet31/myishelovka/>
- 14) Болевая точка. Сеанс. Блог. <http://seance.ru/blog/bolevaya-tochka/>
- 15) Эффект попутчика. Сеанс, №31
<http://seance.ru/n/31/sjuzhet31/effekt-poputchika/>
- 16) Обмен. Сеанс, №31 <http://seance.ru/n/31/sjuzhet31/obmen/>
- 17) 19. Блог Дмитрия Маркова. <http://dcim.livejournal.com/509648.html>
- 18) Грин С., Тёр ван дер Хейден. Чёрный паспорт. Пер. с английского Гавриловой С. при участии Шляпниковой О. и Шпаковой А. М.: Л.Гусев, 2009.
- 19) Это почти вторая мировая война, только больше градусов. Онлайн-издание Ишкв шт Flight <https://birdinflight.com/ru/vdohnovenie/opyt/maksim-avdeev-eto-pochti-vtoraya-mirovaya-vojna-tolko-bolshe-gradov.html>
- 20) П.Вирильо. Информационные войны. Стратегия обмана. М., 2002.
- 21) Е.Ним Десакрализация смерти на телеэкране. Медиафилософия II: границы дисциплины. СПб, 2009.
- 22) Чем пахнут ремесла. Сеанс, №25-26 <http://seance.ru/n/25-26/vertigo/chem-pahnut-remesla/>
- 23) Том Джунод. Падающий человек. – Esquire, №3, 2009.
- 24) У.Эко. – Полный назад! «Горячие войны» или популизм в СМИ.
Пер. Е.Костюкович. Астрель, 2012.

Приложение №1

Отчёт о проведении прикладного исследования по теме: «Восприятие этической ответственности в средствах массовой информации в общественном сознании»

Направление «Прикладная этика». 2015 г.

Составители: Соколова У.А., Чуркин А.Д.

Часть 1

Концепция исследования.

Цель исследования: восприятие этической ответственности зрителя и производителя визуального контента в общественном сознании

Задачи исследования:

Выяснить, доверяют ли люди СМИ, могут ли люди повлиять на достоверность передаваемой информации.

Выяснить, как респонденты позиционируют себя в отношении СМИ и их отношение к этической ответственности зрителя

Выявить характер восприятия СМИ респондентом и степень его вовлечённости в информационный поток.

Узнать отношение респондентов к этике фотографов и операторов

Объект исследования: мужчины и женщины младшего, среднего и старшего поколения.

Предмет исследования: этическая ответственность СМИ

Критерии отбора респондентов: аудитория российских СМИ

Методы сбора данных: глубинное интервью

Оборудование: диктофон, ноутбук

Метод анализа данных: дискурс-анализ

Стимульный материал: видеонарезка новостных выпусков, в которых рассказывается о присоединении Крыма (новости с каналов Дождь, Россия сегодня, Первый канал). Также примеры разных видов СМИ – бумажные (Аргументы и факты, Русский Репортёр), интернет-издания (Бумага, The Village), блоги, напомнить про телевидение и радио.

Гипотезы:

- 1) Представители старшего поколения считают, что все СМИ подают одинаковую информацию, в то время как младшее поколение настроено на разносторонний характер СМИ.
- 2) Представители младшего поколения осознают свою ответственность за выбор того визуального контента, который они видят в СМИ, а представители среднего и старшего поколения менее прихотливы в выборе информационных источников.
- 3) Женщины более склонны доверять средствам массовой информации, а мужчины относятся к ней более критично
- 4) Молодежь больше других поколений испытывает информационное пресыщение.

Список опрашиваемых:

Михаил, 20 лет, студент.

Владимир, 23 года, студент.

Артем, 30 лет, инженер телекоммуникационных систем.

Евгений, 33 года, музыкант.

Сергей, 55 лет, преподаватель.

Алексей, 54 года, физик.

Юлия, 23 года, библиотекарь.

Дарья, 20 лет, студентка.

Татьяна, 39 лет, воспитатель.

Наталья, 44 года, воспитатель.

Нина, 67 лет, воспитатель.

Людмила, 61 год, преподаватель колледжа.

Сценарий:

ПЕРВЫЙ БЛОК

Восприятие СМИ 7 мин

- 1) Какие газеты и журналы вы читаете регулярно?
- 2) Насколько часто вы слышите о тех изданиях, которые вам не нравятся?
(обращаете ли вы внимание на раздражающие вас СМИ)
- 3) Как вам кажется, влияет ли информация в СМИ на вашу жизнь? Как именно она повлияла на вашу жизнь? (На ваш взгляд, влияют ли СМИ на формирование событий в обществе?) Приведите примеры
- 4) Как вы относитесь к жёлтой прессе, считаете ли вы, что она имеет право на существование?

ВТОРОЙ БЛОК Как респондент воспринимает себя с точки зрения СМИ, свою вовлеченность 5 мин

- 1) Были ли Вы когда-нибудь героем каких-либо материалов в СМИ? Предполагаете ли Вы, что Вы можете стать героем какого-либо материала?
- 2) Насколько вы доверяете СМИ, которое вы читаете/слушаете/смотрите? Подвергаете ли сомнению преподносимую информацию?
- 3) Считаете ли вы достаточной ту информацию, которую получаете, хватает ли вам её? («информационный голод»).

ТРЕТИЙ – Профессиональная этика 8 мин

- 1) Нравится ли вам, когда журналист высказывает свою точку зрения на событие? (важно ли Вам мнение журналиста)
- 2) Считаете ли вы, что в новостях и фоторепортажах событие снято односторонне, вся правда не показана?
- 3) Как Вы считаете, имеет ли право фотограф или оператор вмешиваться в ход событий ради создания контента?
- 4) Могут ли СМИ быть источником пропаганды? Если да, то бывает ли, на ваш взгляд, подаваемая СМИ информация без пропаганды?
- 5) Как вам кажется, существует ли субъективное искажение события фотографом?

ЧЕТВЕРТЫЙ – Этическая ответственность 8 мин

- 1) Нужен ли фотожурналисту свод правил, которым он мог бы руководствоваться в сложных моральных ситуациях, возникающих в ходе его профессиональной деятельности?
- 2) На ваш взгляд, работа фотографа и оператора связана с моральными проблемами?
- 3) Должен ли журналист в особо сложных ситуациях руководствоваться специальными кодексами или поступать в соответствии со своими моральными представлениями?
- 4) Кто, по вашему мнению, ответственен за тот визуальный контент, который показывают СМИ?

5) Считаете ли Вы себя ответственным за выбор той информации, которую Вы видите?

Дискурс-анализ

ГРУППА РЕСПОНДЕНТОВ № 1. Женская, младшая: 18-27 лет

Интерпретации	Индивидуальные смыслы
1.1 Вовлеченность в информационный поток	<p>Я не смотрю телевизор и не слушаю радио. Печатные СМИ не читаю. Я читаю только Медузу и Бумагу в интернете. Из тех СМИ, которые не нравятся, но я о них слышу ...Только в интернете вижу что-то Первый канал и всяких Киселевых. Это меня не раздражает, это же просто шуточки в интернете. (Дарья)</p> <p>Читаю в основном книги, СМИ как-то нет. Смотрю в основном Первый канал. Слушаю Наше радио, радио Европа-плюс. Нет такого, что что-то сильно не нравится. У каждого своя точка зрения, каждый что-то пишет для своей аудитории. (Юлия)</p>
1.2 Влияние СМИ на жизнь респондента и на общество в целом.	<p>Конечно, влияет. Например, когда Боинг упал, я через несколько дней должна была лететь на самолёте, посмотрелась всякого про эту авиакатастрофу и очень испугалась. На общество тоже влияет – все паникуют, особенно от плохих новостей, журналисты же нагнетают еще. (Дарья)</p> <p>Да. Какие-то новые аспекты открываются для нас, что-то новое узнаем, конечно. Важна эта информация для нас. Мне кажется, что на поведение человека и на его мнение так уж сильно не влияет. По крайней мере, на меня. Если есть своя точка зрения, то могу прислушаться, сделать для себя какие-то выводы, взглянуть с новой стороны. На общество... Тоже зависит от человека, общество ведь состоит из отдельных людей. (Юлия)</p>
1.3 Отношение к жёлтой прессе	<p>Это типа «Тайны звёзд»? По-моему, это очень смешно, и эти журналы существуют для того, чтобы посмеяться. И что нормальные люди, про которых там пишут, просто используют это как еще один способ прославиться, как пиар. (Дарья)</p>

	<p>Это их работа, я как-то лояльно к этому отношусь. Люди выбрали себе такую профессию. Можно читать с улыбкой, так... проглядеть и всё. (Юлия)</p>
2.1 Доверие к выбираемому респондентом СМИ	<p>Достаточно доверяю. Больше, чем остальным СМИ. Раньше я читала Ленту.ру, но потом от них отписалась, мне не нравится, что они берут и провоцируют скандалы на ровном месте. Если в чем-то сильно сомневаюсь, то проверяю информацию, но обычно верю так. (Дарья)</p> <p>50 на 50. Если я смотрю российские новости, и я знаю, что передают в Украине, то я золотую середину выбираю. (Юлия)</p>
2.2 Информационный голод	<p>Информационного голода точно, даже какое-то информационное переизбытие, очень много всего показывают каждый день, катастрофы всякие, взрывы. Думаю, если бы было больше СМИ, которые освещали бы культурные события, то было бы круто. Мне не хватает информации в сфере культуры. (Дарья)</p> <p>Информационного голода не испытываю. Разве что в культурной сфере, иногда хочется побольше узнать о каких-то событиях. (Юлия)</p>
3.1 Отношение к высказыванию журналистом своего мнения	<p>Это зависит от события и от журналиста. Бывают ситуации, когда действительно стоит объяснить, что происходит. Это когда какое-то событие для многих людей, в том числе и для меня, - тёмный лес. Поэтому мне нравится Медуза, у них есть карточки, в которых они всё объясняют. (Дарья)</p> <p>Мне кажется, лучше послушать или прочитать, что нужно, а своё мнение сформировать самой. Пускай журналист выразит то, что он думает, если он опирается на какие-то факты, на дополнительную информацию. (Юлия)</p>
3.2 Неполное визуальное высказывание	<p>Смотря какие и где. В Медузе, мне кажется, нет, а в других СМИ бывает. На Первом канале всякие фейки показывают. (Дарья)</p> <p>Сказать точно не могу. Всё равно что-то скрывают, в политической сфере что-то опускается. Если что-то культурно-массовое, то, думаю, показывают как есть. (Юлия)</p>
3.3 Вмешательство фотожурналиста и оператора в ход событий	<p>Нет, конечно, не имеет права. Я вспоминаю о том случае, когда журналист Первого канала</p>

	<p>поджѣг лес в Хакасии, и это мне кажется ужасным. (Дарья)</p> <p>Думаю, не стоит. Мне кажется, у нас пока еще нет такого, чтобы было вообще нечего показывать, так что фабриковать события недопустимо. (Юлия)</p>
3.4 СМИ как средство пропаганды	<p>В идеале, конечно, СМИ должны сохранять нейтралитет, но в современных реалиях, по моему, это почти невозможно. Я без пропаганды СМИ не видела, но наверно как-нибудь это можно сделать, просто я с такими СМИ не сталкивалась. (Дарья)</p> <p>Смотря в какой сфере... Пропаганда везде, наверно, есть. Если не прямая и очевидная, то скрытая пропаганда всё равно есть всегда. (Юлия)</p>
3.5 Субъективное искажение информации снимающим	<p>Все же фотографии и эти телевизионщики -люди, они в любом случае информацию пропускают через себя, и тогда искажают, конечно, но не специально. (Дарья)</p> <p>Есть у него какие-то предпосылки, что-то, на что он опирается, журналист передает это нам. Мне кажется, субъективное искажение есть всегда. И у нас как зрителей оно тоже есть. (Юлия)</p>
4.1 Необходимость этического кодекса	<p>Разумеется, нужен. Однозначно. (Дарья)</p> <p>Мне кажется, нужен. Бывает, смотришь репортажи, думаешь: и так человеку досталось, а ему еще задают достаточно некорректные вопросы или снимают как-то как уroda, хочется, чтобы об этом были какие-то нормы, как-то это было закреплено. (Юлия)</p>
4.2 Кодекс и моральные принципы	<p>Моральные принципы людей весьма разнятся, и ты не знаешь, чего ожидать от того или иного фотожурналиста, поэтому, если бы они подчинялись в сложных ситуациях кодексу, то это было бы разумнее. (Дарья)</p> <p>Своё мнение у журналиста тоже должно быть, своё представление. И в сложных ситуациях лучше опираться на свои представления. (Юлия)</p>
4.4 Ответственность за визуальный контент	<p>Ответственность должна быть распространена между всеми людьми, которые создают</p>

	контент. Не то что бы все одинаково ответственны... Наверно, больше всего ответственности на редакторе, а у фотографа и общества намного меньше. (Дарья) Наверно, редактор, он же всё пропускает дальше. Ну и общество... Редактор же опирается на потребности людей. (Юлия)
4.5 Личная ответственность за выбор информации	Конечно, да, я несу ответственность. Я считаю, что нужно проверять и фильтровать всю ту информацию, которая поступает. (Дарья) Всё довольно относительно. Иногда бывает, что читаешь и думаешь, что многие статьи бы убрала, что-то бы дополнила... В общем, я не могу сказать, что несу полную ответственность. (Юлия)

Таким образом, можно сказать о следующих общих тенденциях: Женщины младшего поколения терпимо относятся ко всем видам СМИ и не заостряют внимания на раздражающих. Наблюдается лояльное отношение к жёлтой прессе. Информации в СМИ в целом доверяют, но проверяют. Сильного информационного голода не испытывают, но считают, что не хватает информации о событиях в сфере культуры. Считают, что в некоторых СМИ есть ложная информация, но всё зависит от СМИ и от конкретной сферы. Фото- и теле- журналист, по их мнению, не имеет права фабриковать события. Также они солидарны в том, что СМИ не должны быть средством пропаганды, но в реальности ими являются. Считают, что всегда есть субъективное искажение информации журналистом. Все респонденты выбранной группы считают, что этический кодекс нужен.

ГРУППА РЕСПОНДЕНТОВ № 2. Женская, средний возраст: 28-55 лет.

Интерпретации	Индивидуальные смыслы
1. Вовлеченность в информационный поток	Из телепрограмм я люблю Культуру, смотрю новости Первого канала, чтобы следить за событиями в обществе. Радио очень редко слушаю, как фон. Читаю Комсомольскую правду и Вести. Не нравятся мне передачи про мистику, которая не научно обоснована. Газеты – СПИД-инфо не люблю, не нравится мне еще криминал. Но в последнее время все чаще слышу известия о состоянии в Киеве, слишком много информации и рассуждений по этому поводу, и никуда от них не деться. Не могу сказать, что слышу о них часто – с друзьями мы о таком не общаемся, по работе тоже редко обсуждаем. (Татьяна) Печатные регулярно я не читаю, бывает, что

	<p>просто говорят, что где-то какая-то интересная статья, тогда я её прочитываю. Или в электричке, когда заняться нечем, покупаю и читаю. В интернете читаю РИА-новости. Телевидение не смотрю. Про другие СМИ не могу сказать, что мне что-то сильно не нравится, я же сама выбираю всё-таки, что конкретно мне читать. У меня они не вызывают сильного отторжения, если там, конечно, не нарисован какой-нибудь фашистский крест, то никаких сильных эмоций они у меня не вызывают. (Наталья)</p>
<p>2. Влияние СМИ на жизнь респондента и общество в целом</p>	<p>Да, конечно. Если я часто слышу о военных действиях, то у меня повышается тревожность. На формирование событий влияет, я думаю, они программируют наше общество, сознание людей. (Татьяна)</p> <p>Влияет, конечно. В свете, например, украинских событий я поняла, что буквально за пару месяцев у меня уровень тревожности вырос не знаю насколько, я стала бояться даже резких громких звуков за спиной, и если я вообще в принципе оцениваю ситуацию не как криминальную и угрожающую лично мне, то в какой-то момент количество этой информации достигло своей критической точки и стало очень сильно на меня влиять. В итоге я стала сама сокращать количество информации, стало легче. Конечно, на массовое сознание она тоже влияет, общество же состоит из людей, у каждого какой-то свой порог чувствительности. (Наталья)</p>
<p>3. Отношение к жёлтой прессе</p>	<p>Да, она имеет право на существование, как дополнительный взгляд, как одно из проявлений печати. (Татьяна)</p> <p>Если есть аудитория, которая ею питается, то и пусть. Сплетники были всегда, а желтая пресса – это просто оформленные сплетни. Кому она не нужна, тот её никогда не купит. Другое дело, что я переживаю за подростков, они ведь люди всеядные, у них из-за этого формируются кривые представления, если они выбирают информацию из таких источников. (Наталья)</p>
<p>4. Доверие к выбираемому респондентом СМИ</p>	<p>Обязательно подвергаю сомнению, процентов 30-40 уверенности, а остальное подвергаю сомнению. (Татьяна)</p> <p>Раньше у меня было больше доверия печатному слову. Сейчас я больше люблю классическую литературу. Теперь я уже</p>

	<p>начинаю смотреть, в первую очередь, кто это написал, как близок он к тому событию. Если раньше было так: сказали по радио, что сегодня воскресенье – значит, сегодня воскресенье. А теперь я после еще проверю в куче источников, воскресенье ли сегодня. (Наталья)</p>
5. Информационный голод	<p>Мне недостает информации о культурных новостях, новостей о политике мне хватает.. даже слишком... Дополнительно ищу только то, что касается моего личного интереса. (Татьяна)</p> <p>Нет, информационный голод не испытываю, а вот информационное перенасыщение – да, особенно визуальное. Самый раздражающий меня момент – бегущая строка, которая не дублирует слова диктора, а рассказывает о параллельных событиях. Мне это не даёт сосредоточиться, меня это раздражает очень. Возможно, средний возраст как раз хорош тем, что мозг работает больше, плюс еще накладывается свой опыт, и человек ищет своё в каждой истории, и уже более критично относится ко всему. (Наталья)</p>
6. Отношение к мнению	<p>Если он позиционирует это именно как свою точку зрения, то да. Если это высказано в корректной форме. А если при этом он унижает другую нацию, других людей, то нет. Если сам журналист мне важен, если его мнение интересно, то да, я прислушиваюсь. (Татьяна)</p> <p>Мне кажется, сухих фактов не бывает, всё равно это чья-то субъективная точка зрения. Мне нравится личная точка зрения, но иногда бывает, что журналисты наводят исторические моменты, они придают слишком много красок состоявшемуся событию, может быть, в погоне за ротацией своей какой-нибудь. Но тут уже выбор читателя – можно в одном издании посмотреть, в другом как люди освещают... Но читатель ведь сам выбирает градус эмоционального восприятия. Личная точка зрения мне очень нравится в событиях культурных, если человек, например, увидел то, чего не увидела я, и для меня это повод взглянуть пристальнее, обратить внимание на детали. Мне кажется, чем суше и лаконичнее представлены события трагического характера, тем лучше. (Наталья)</p>
7. Неполная или ложная информация в СМИ	<p>Да, я считаю, что все равно на телевидении, радио и печати есть цензура – что можно</p>

	<p>пропускать, а что нет. Несмотря на то, что есть мнимая гласность, мне кажется, что цензура есть, и всю правду нам не говорят. (Татьяна)</p> <p>Да. Я не знаю, как часто они это делают, но мне кажется, что достаточно часто, бывает, что создается у меня внутреннее глубокое убеждение, что они чего-то недоговаривают, не говорят всю правду. (Наталья)</p>
8. Вмешательство в ход событий	<p>Ради репортажа, думаю, нет, так как результат может быть достаточно негативным. Прежде чем внедряться в процесс ради репортажа, то стоит для начала продумать все возможные последствия. (Татьяна)</p> <p>Нет, конечно. Это недопустимо. Это театр, это постановка, она не может быть состоявшимся событием. (Наталья)</p>
9. СМИ как средство пропаганды	<p>Хотелось бы надеяться, что существует такой источник... без пропаганды... (Татьяна)</p> <p>Конечно, СМИ могут быть инструментом пропаганды. Всё зависит от того, сколько им денег заплатили. Если есть такие СМИ, где фотографам и журналистамне платят и где они могут без оглядки на кого-то сверху всё делать... Я не очень в курсе ситуации, может, есть такие СМИ, я не знаю. Чем больше денег, тем труднее людям сопротивляться давлению тех, кто платят деньги. (Наталья)</p>
10. Субъективное искажение информации	<p>Я думаю, всегда есть доля субъективности, ведь это же живой человек. (Татьяна)</p> <p>Мне кажется, субъективность присутствует всегда. Журналисты тоже люди, и они не свободны от влияния собственного опыта и мнения. Я не говорю, что всегда так. Возможно, есть такие профессионалы, которые могут полностью абстрагироваться от собственной точки зрения. (Наталья)</p>
11. Необходимость этического кодекса	<p>Да, я думаю, он необходим. (Татьяна)</p> <p>Я думаю, что да. Не могу сказать, в каком конкретном виде это должно быть, но кодекс нужен. В особенности когда человек подкладывает собственную точку зрения под единственную непогрешимую истину. Этический кодекс мог бы оградить от соблазна фотографов и журналистов как-то нехорошо ущипнуть людей, подколоть, повлиять негативно на общество. (Наталья)</p>
12. Кодекс и моральные принципы	<p>Да, должен руководствоваться своими принципами. Если он имеет свои моральные принципы, конечно. Основываясь на кодексах, но всё равно в первую очередь</p>

	<p>руководствоваться своими моральными представлениями. (Татьяна)</p> <p>Я думаю, что человек должен поступать по собственной воле и в соответствии с общечеловеческими ценностями. Мне кажется, это должно быть заложено в каждом человеке, не только в фотографе, журналисте или операторе. (Наталья)</p>
14. Ответственность за передаваемую СМИ информацию	<p>Я думаю, что на каждого ложится доля ответственности. (Татьяна)</p> <p>Если есть над кем-то начальство, то ответственность лежит на начальнике. Это не только в СМИ, а везде. Ответственность потребителя в том, насколько он углубился в этот вопрос. Тут у каждого своя доля ответственности, но у выпускающего редактора и вообще начальника больше всего. (Наталья)</p>
15. Личная ответственность за выбор	<p>Я не снимаю с себя ответственности за поглощение информации, я являюсь носителем той информации, которую я услышала. Ой, здесь столько много факторов, которые влияют. Если мне нравится передача и человек, который её ведет, то уровень критичности снижается. Так что да, считаю себя ответственной. (Татьяна)</p> <p>Конечно, я осознаю свою ответственность. Я не читаю что-то регулярно, но читаю то, что я выбираю и считаю, что я ответственна за этот выбор. А вот за то, что они снимают, я знаю... они же ориентируются на большинство. Хотят люди видеть кровь – им и показывают кровь. Но я на это смотреть не хочу. (Наталья)</p>

В качестве характерных общих моментов можно выделить следующие:

Опрошенные женщины среднего возраста о раздражающих СМИ слышат редко, слишком сильного неприятия они не вызывают. Информация в СМИ влияет непосредственно на их жизнь: из-за информации в СМИ очень повысился уровень тревожности. Лояльно относятся к жёлтой прессе. Подвергают большому сомнению информацию в СМИ, информационный голод не испытывают, скорее даже испытывают информационное перенасыщение. Считают недопустимым фабриковать события ради создания контента. Считают, что СМИ могут быть источником пропаганды и большинство СМИ ими являются, но допускают существование СМИ без нее. Этический кодекс, по мнению опрошенных респондентов, необходим, но при этом фотограф и тележурналист должен поступать в соответствии со своими моральными принципами. Осознают свою личную ответственность за выбор информации.

ГРУППА РЕСПОНДЕНТОВ № 3. Женская, старшая: 55-100 лет.

Интерпретации	Индивидуальные смыслы
---------------	-----------------------

<p>1. Вовлеченность в информационный поток</p>	<p>Давно читаю Новую газету, я её читаю с самого начала, там для меня работают люди, о которых я еще в начале перестройки слушала в Пресс клубе, их общечеловеческие ценности близки к моим, хотя они мне нравятся еще и потому, что это одна из самых объективных газет. В интернете читаю Нью таймс. Слушаю Эхо Москвы. Телевидение не смотрю, смотреть спокойно это невозможно. Мне отдельные журналисты не нравятся, потому что это не журналисты, а пропагандисты. Слышать о них особо не приходится, потому что сейчас не приходится общаться с людьми, которые не придерживаются такой же точки зрения. Если человек думает по-другому, то мы стараемся на эти темы просто не разговаривать, хотя я уверена, что это хорошие и порядочные люди, просто они выбирают такое положение, которое меньше нервирует, отодвигаются от правды, потому что так спокойнее им, но это вполне понятно и простительно. (Нина)</p> <p>Газеты, журналы, петербургские издания. Это прежде всего, «Московский комсомолец», потому что там актуальные проблемы города. «Аргументы и факты», «Дайджест 24 часа», там где собрана вот такая информация, которая везде публикуется. Я не трачу время и не читаю.. как это называется.. бульварная пресса, желтые страницы. Ну слышу, например, телеканал «Дождь», я его не смотрю, слышу отзывы и сразу такое неприятие, да. (Людмила)</p>
<p>2. Влияние СМИ на жизнь респондента и общество в целом</p>	<p>Влияет, у меня в последнее время после новостей очень грустное настроение, так как светлого будущего очень наивно ожидать впереди. По моим представлениям, светлого будущего как-то очень наивно ожидать впереди, мне очень жалко молодых людей, которые вместо свободного развития, которое идёт сейчас во всем мире, будут жить в этом, это всё приведет к очень печальному итогу. Во всём мире люди строят города, строят дороги, а в нашей стране этого не происходит, потому что только люди самостоятельно мыслящие могут это делать. А в нашей стране, к сожалению, инициатива всегда зажималась. (Нина)</p> <p>Да, конечно, как-то влияет, потому что ты невольно слышишь эту информацию, ты как-то сам анализируешь то, что услышал, но я думаю надо как-то уметь для себя проанализировать и оценить и достоверность</p>

	и то, насколько это тебе пригодится. (Людмила)
3. Отношение к жёлтой прессе	Я считаю, что СМИ должны не только доносить информацию, но и, как мне кажется, просвещать людей, открывать им новые горизонты, а не загонять всех в одно русло, они должны давать ресурсы для развития. Жёлтая пресса такого развития не даёт. (Нина) Я обычно не читаю, если вижу где-то, то пропускаю, меня не интересует. Даже не знаю, есть люди, которым нравится копаться в нижнем белье. Наверно, если нужно узнать какую-то достоверную информацию, то её можно найти на сайтах, а здесь не всегда бывает достоверная информация. И ряд известных людей сами не отзываются очень хорошо, вплоть до того, что потом возбуждаются судебные дела, потому что информация неверная, неточная. (Людмила)
4. Доверие к выбираемому респондентом СМИ	Тем, которые назвала, я доверяю, но это не значит, что я всегда соглашаюсь с их мнением. Я доверяю, но это не значит, что я точно так же думаю. Я всегда подвергаю информацию сомнению и стараюсь проверить. Всегда стоит задумываться: кем это было сказано и с какой целью? Обязательно ведь что-то происходит в чьих-то интересах, поэтому тем более надо сейчас думать, на чью мельницу журналист льёт воду. Есть журналисты – Муратов, например, из «Новой газеты» - я им верю и, уж если скажут, то я проверять не буду, а во всех остальных случаях перепроверяю. (Нина) Я доверяю и надеюсь, что там информация достоверная, она помогает мне ориентироваться в социуме. Надо быть в курсе событий. Иногда бывает, что сомнению подвергаю, пример могу такой привести, что мы собирались в Неаполь, и прошла информация, что вулкан там извергается, и уже думали не ехать туда, и, когда мы уже туда приехали, оказалось, даже гид удивилась, что откуда такая информация прошла, потому что все нормально: вот он вулкан, вот он 50 лет уже затих, и это меня удивило, потому что я сама видела эту достоверную информацию, интервью там с кем-то. Проверить не всегда возможно, но в основном я доверяю, поэтому этот случай меня так удивил. (Людмила)
5. Информационный голод	Мне не всегда хватает информации, я проверяю информацию в интернете в разных источниках, ищу дополнительно всегда что-то

	<p>на сайтах всяких разных. Пока что это еще не запретили, это пока можно сделать, найти разные мнения. (Нина)</p> <p>Нет, когда информации не хватает, я стараюсь тогда сопоставить какие-то точки зрения, они везде разные звучат. Пытаюсь получить эту информацию, допустим, из телевидения, из газет, смотрю как разные источники освещают эту проблему, где-то видишь единство, где-то разрозненность. (Людмила)</p>
6. Отношение к высказыванию мнения	<p>Я за объективную информацию. Задача журналиста заключается, прежде всего, в донесении информации. Стоит привести разные взгляды на тот или иной процесс, тогда это любопытно и интересно. Но, конечно, спрятать свою точку зрения журналисту невозможно. Но в первую очередь журналист должен всё-таки донести информацию, а если кто-то спросит его мнение, то он, наверно, должен сказать. Факт есть факт, есть только одна правда, а не много правд, и эту правду журналист обязан сообщить. Главное, чтобы он доносил в первую очередь информацию, а не свою точку зрения. (Нина)</p> <p>Тут специфика работы журналистов, я не очень в этом компетентна. Может быть, есть репортёр, который должен комментировать, а есть просто информатор, диктор, он просто сообщает факт. Мне думается, комментарии должны быть, но они должны быть профессионально грамотными, не навязывать свою позицию окружающим, может угрожающую. Вот известный наш тележурналист, такой солидный, не помню фамилию, просто сообщает факты, но ты понимаешь, как будто ты находишься в кругу этих событий. (Людмила)</p>
7. Неполная или ложная информация	<p>Проверять информацию всегда нужно, конечно же. Особенно если по телевидению это показали, то нужно обязательно проверять, я не помню, чтобы там в последнее время говорили правду до самого конца, так что новости по телевидению я сейчас принципиально не смотрю, бесполезно на это тратить время. (Нина)</p> <p>Я думаю, что все-таки этика журналиста должна быть, и он сам перед своей совестью отвечает. Думаю, они честно пытаются освещать события. (Людмила)</p>
8. Вмешательство в ход событий	<p>Нет, категорически. Это преступление перед своей профессией. (Нина)</p> <p>Если он будет искажать события ради</p>

	имиджа, то это недопустимо. (Людмила)
9. СМИ как средство пропаганды	<p>Отрешиться от самого себя человек не может, но журналисты должны строго придерживаться фактов. Пропагандой заниматься – это не журналистская профессия, а работа пропагандистов и агитаторов. Как мне кажется, Новая Газета пропагандирует гуманистические идеи и общечеловеческие ценности, они стараются честно донести информацию, считать это пропагандой или нет? Это не пропаганда, а скорее просвещение, вот такое можно делать. (Нина)</p> <p>Да, конечно, это имеет место, они могут пропагандировать отрицательное отношение к наркотикам. И политические идеи, почему бы и нет, только чтобы это не шло в противовес с общей линией политического развития страны, отношения к чему-то, потому что иногда просто такое митингование, просто обсуждение, к чему это ведет? (Людмила)</p>
10. Субъективное искажение информации	<p>Конечно, существует. Мне уже не верится, что от этого можно избавиться, особенно в нашей стране. К сожалению, сейчас в нашей стране приоритет интересов власти перед интересами человека, и журналисты искажают информацию в соответствии с этими интересами. (Нина)</p> <p>Да, я считаю что есть просто информационный материал, и чувствуешь что ты присутствуешь на этом саммите, корреспондент просто смотрит и помогает своими глазами увидеть эту картину, которая там происходит. Даются факты, а ты уже сам, можешь проанализировать их, иметь своё суждение, мнение. (Людмила)</p>
11. Необходимость этического кодекса	<p>Мне кажется, да, как в любой другой профессии. (Нина)</p> <p>Да, этика профессиональная она везде есть, несомненно, кодекс нужен. (Людмила)</p>
12. Кодекс и моральные принципы журналиста	<p>Если не знаешь, как поступить – поступай принципиально. (Нина)</p> <p>Я думаю, что кодекс не должен противоречить внутренним принципам журналиста. Тот кодекс, который вырабатывается, в редакции должен приниматься, конечно. (Людмила)</p>
14. Ответственность за передаваемую СМИ информацию	<p>Общество, конечно, само виновато. Тот спрос, который общество даёт, сильно влияет на СМИ. Но и СМИ тоже не подают, не просвещают... Журналист и редактор тоже,</p>

	конечно, несут ответственность. (Нина) Сам автор отвечает за содержание, материал он публикует ведь. (Людмила)
15. Личная ответственность за выбор	Сама перед собой – конечно. Но не перед другими. (Нина) Да, но я оставляю право иметь своё мнение, свою позицию. Когда публикуется материал какой-то острый, критичный, главный редактор приписывает, что мы не несем ответственность. Фотограф имеет свободную позицию показывать, а читающий имеет свободную позицию мнения, поэтому и ответственен. (Людмила)

Были выявлены следующие общие моменты:

Женщины старшего поколения слышат о раздражающих СМИ и раздражающих их журналистах, это вызывает неприятие, но стараются обходить эти темы. Информация в СМИ влияет и на их жизнь, и на общество. Негативно относятся к жёлтой прессе. Доверяют выбранному СМИ, но стараются по возможности проверить информацию. Информации не всегда хватает, стараются добрать из других источников. Комментарии журналиста, по их мнению, должны быть профессионально грамотными, без навязывания точки зрения журналиста. Считают, что вмешательство в ход событий ради создания контента недопустимо. Также считают, что субъективное искажение информации журналистом есть всегда. Считают, что этический кодекс необходим, но в сложных моральных ситуациях журналист должен руководствоваться своими моральными представлениями.

Группа Респондентов №4: Мужчины. Младшее поколение: 18-27 лет.

Интерпретации	Индивидуальные смыслы
---------------	-----------------------

<p>1.1 Вовлеченность в информационный поток</p>	<p>Я читаю интернет СМИ каждый день. Например, в «вконтакте» есть такая опция, как сводки разных новостных пабликов. Я это все периодически прочитываю. Телевизор не смотрю, бумажные издания нет. По радио иногда слушаю что-то. В основном то интернет. В вконтакте есть два лагеря: «Russia today» и «новая газета», «сноб», «Дождь». Иногда меня бесят абсолютно глупые новости от «Russia today», когда сказать больше нечего, они говорят в Североуральске упал мальчик... Ведь у них основные новости про политику, про военные действия, а иногда какую-то фигню попутно впихивают. Просто за не имением новостей, которые будут поддерживать официальную точку зрения. (Михаил)</p> <p>Можно сказать, что я действительно предпочитаю слушать радио, но когда езжу в машине, это эхо Москвы, мне наиболее удобно. Я в принципе разделяю их позицию. Интернет СМИ, различные, не могу выделить конкретные. Телевизор я не смотрю. Печатными СМИ, разве что газета «метро» но я с ней знакомлюсь постольку, поскольку. Честно говоря, не очень люблю первый канал, ну по понятным причинам, но о нем в принципе не слышать, наверно не возможно. (Владимир)</p>
<p>1.2 Влияние СМИ на жизнь респондента и на общество в целом.</p>	<p>Определенно повлияла. Если читать СМИ оппозиционного характера, то это можно схватиться за голову, понять что в стране всё очень плохо. Это как бы деморализует, и становится не то чтобы страшно, а наводит определённый тремор. Вот, читаешь пропагандистские СМИ, и вселяется какая-то суперуверенность, супер-правость, не знаю, абсолютная правильность действий... Одни страх наводят, другие какое-то легкое отупение. Меня лично пугали публикации на «Дожде» «Слоне», что вот, у нас чуть ли не режим, сейчас всех посадят. Это действительно страшно. То есть определенные эмоции они вызывали (Михаил)</p> <p>Конечно, очень много всего, грубо говоря, мне друг звонит, мы обсуждаем различные вещи, нечто новое, что появились новые медиаповоды в интернете, и в принципе она влияет, на то, о чем можно поговорить, что можно обсудить. Ну и в целом, какие-то различные поводы. Информация может повлиять на моё настроение. Я прочитал, что человек умер, мне стало намного грустнее, чем когда я услышал о новости, что поставили памятник. (Владимир)</p>

1.3 Отношение к жёлтой прессе	<p>Кому-то может интересно читать, кто с кем переспал, там, или кто кого бросил. Я сам не читаю. Кто-то читает, кому-то видимо скучно, меня это вообще не интересует глобально. (Михаил)</p> <p>К желтой прессе я отношусь плохо, я честно говоря, не вижу смысла коверкать факты, вот, знаете желтую прессу читают люди которым скучно жить, которые не могут найти чем занять, и они любят копаться в грязном белье. (Владимир)</p>
2.1 Доверие к выбираемому респондентом СМИ	<p>Я вообще человек доверчивый, но на самом деле я подвергаю всё сомнению 50 на 50. Одни гнут в одну сторону, другие в другую. Поэтому надо брать оттуда и оттуда и придерживаться золотой середины. (Михаил)</p> <p>Которые смотрю, я доверяю им, потому что я им отдаю предпочтение и поэтому им можно доверять, потому что они со мной одной позиции. А те которые мне не нравятся, я их и не смотрю, потому что они неправду говорят. Знаете, есть такая вещь, как критическое мышление. (Владимир)</p>
2.2 Информационный голод	<p>У меня есть информационный переизбыток. Слишком много читаю новостей. Я жду летней практики, чтобы уехать от новостей, от интернета, чтобы отдохнуть. То есть можно сказать, интернет СМИ так устроены, что зашел на сайт, увидел интересную ссылку, и переходишь с одной ссылки на другую и час читаешь ту информацию, которая тебе абсолютно не нужна. (Михаил)</p> <p>Грубо говоря, на самом деле нет, потому что и так много всякой информации. Включаешь на радио – там реклама, по телевизору тоже реклама, очень много всякой информации, я даже бывает, не успеваю переваривать головой своей. (Владимир)</p>
3.1 Отношение к высказыванию своего мнения	<p>Мне не интересно мнение журналиста. Грубо говоря: скажи что произошло, я сам подумаю что-то на этот счёт, или на эту тему. Хотя, мне нравятся, когда компетентные люди высказываются. А если журналист просто что-то брякнет, то это не имеет какого-то веса, это всего лишь единица, которая информацию перерабатывает. (Михаил)</p> <p>Зависит от того, какой журналист. Вот, к примеру в фильме, страх и ненависть в Лас-Вегасе, журналист, Хантер Томсон. Такой журналист мне интересен, он говорит от себя и его увлекательно слушать. А наши-то журналисты говорят, только то, что нужно говорить, ели бы были бы они, то я бы их</p>

	слушал, но, к сожалению, не вижу. (Владимир)
3.2 Неполная или ложная информация	Да. Искажение есть везде, из любого лагеря. (Михаил) Конечно, ну понимаете, они же журналисты, они работники, и свою работу делают, что им говорят наверху, то они и делают, и снимают. (Владимир)
3.3 Вмешательство в ход событий	В идеале нет, но они делают в итоге. (Михаил) Нельзя журналисту что-то делать во вред, но если что-то где-то не освещают, а он единственный, кто показал, то такой журналист молодец. (Владимир).
3.4 СМИ как средство пропаганды	Да конечно, могут быть. Ну, все какую-то пропаганду несут. (Михаил) Да, конечно, могут. Если почитать там, Оруэлла, Хаксли, если их почитать, то они даже там пишут, и отражают, как СМИ влияют на человека. Да, наверное могут быть без пропаганды, если они будут факты сухие выкладывать или описывать события. (Владимир)
3.5 Субъективное искажение информации	Журналист может изложить объективный факт, в принципе. Если сильно абстрагироваться для этого. Нужно встать на позицию тех и других и в итоге выйти на третью позицию, но это идеал. Иногда, такие репортажи попадают. (Михаил) То есть, я вот слушаю, смотрю какие-то репортажи и чувствую, что люди объективно говорят, как есть, что если человек сам по себе нормальный, головой своей думает. А не пишет, то, что ему сказали, то это хорошо. (Владимир)
4.1 Необходимость этического кодекса	Ну да, как бы сказать правду и тебя помнут, или сказать ложь и тебе доплатят, вот это моральный выбор? Моральный выбор в основном, говорить правду или нет. Рисковать жизнью, как бы не к журналистам. Как правило все прогибаются, морального выбора нет. Никто почти не идёт против системы, против больших людей. (Михаил) Если человек должен быть в ответе, а он должен быть в ответе, за то, что говорит и показывает. У него же должны быть правила какие-то, за что он будет отвечать. И при случае ему это можно и привести и сказать, что ты где-то не прав. (Владимир)
4.2 Кодекс и моральные принципы	Надо подумать, смотря в каких ситуациях смотреть. То есть, если кодекс велит не сказать правду, как в чернобыле было, что там никто не знал, и на Киев падал радиоактивный дождь в течении трёх дней, но осветить телевидению ничего не дали. То тут нужно поступаться и смотреть в первую очередь на свой внутренний кодекс. Опят же если от ситуации зависит.

	<p>Лучше чтобы правду сказали, если правда будет сказана в соответствии с кодексом, то это хорошо, если правду можно сказать, только против кодекса, то нужно идти против кодекса. (Михаил)</p> <p>А какая мораль-то? Он, по сути описывает, смотрит, говорит, что увидел, что происходит. Грубо говоря, на войне он фотографирует, интервью берет, но он же не может воевать пойти. Выдают им, например на Донбассе, эти жилеты с надписью «пресса» ну и как он может на что-то повлиять, если он не в этом участвует вообще. (Владимир)</p>
4.4 Ответственность за передаваемую СМИ информацию	<p>Я думаю, редактор, он ответственен за выбор новостей. Он выбирает, что подавать. (Михаил)</p> <p>Наверное журналист больше ответственен за этот процесс, потому что именно он берет информацию, и интересуется ей, и если бы интереса не было у него, то он бы и не стал этим заниматься, поэтому скорее всего журналист, потому что именно с него начинается, этот процесс. (Владимир)</p>
4.5 Личная ответственность за выбор информации	<p>Нет, все-таки не со всеми новостями я согласен. Объективности им немножко не хватает. Это всё радикально. Я смотрю и то и другое и сам решаю. Я не могу ограничиться на чем-то одном. (Михаил)</p> <p>Да, я слушаю радио Эхо Москвы, и вот у них мне все нравится. И у них нет вещей, от которых меня передергивает. За них могу поручиться. То есть, я себя всё-таки отвечаю за свой выбор. (Владимир)</p>

Таким образом, можно выявить следующие тенденции: Младшее поколение мужского пола в основном читает интернет издания, реже радио. Телевизор почти не смотрят, так же стоит отметить, что это поколение склонно разделять всё типы СМИ на два вида: проправительственные и оппозиционные. Раздражают в основном «однополярные СМИ». К жёлтой прессе относятся терпимо. Имеют доверие к СМИ, но с поправкой на критическое восприятие, оба респондента упомянули что верить СМИ напрямую нельзя, нужно обязательно сопоставлять и анализировать информационные потоки. У обоих респондентов присутствует информационное пресыщение, хотя, это происходит из-за «заразительности информации», потому что оба респондента соглашались в том, что они иногда ищут заинтересовавшую их информацию. Младшее поколение выражает желание получать «объективную» информацию, подаваемую телевидением и онлайн-зданиями, но так же им интересно мнение авторитетных людей. Так же, младшее поколение осознает, что работа СМИ может быть спровоцирована по чей-то чужой воле (то, что фотограф фабрикует новости, материал является пропагандой). Но респонденты считают, что СМИ могут работать согласно идеям честной журналистики (они могут быть честными, объективными и независимыми). Но с таковыми пока что не сталкивались. Младшее поколение считает, что этический кодекс не сильно нужен, т.к. сильно ситуацию не исправит. Респонденты отдают предпочтение руководству внутренними моральными убеждениями, а не сводом правил, в особо сложных этических ситуациях. Мнения в оценки ответственности в цепочке передачи и получения

информации расходятся кардинально, но общее то, что оба респондента остро и категорично относятся к своему выбору.

ГРУППА РЕСПОНДЕНТОВ №5: Мужчины. Среднее поколение. 28-55 лет.

Интерпретации	Исходные смыслы
1. Вовлеченность в информационный поток	<p>Последнее время, очень мало каких-то там СМИ вижу. Просматриваю основные, всё-таки это интернет. Так как я особо не слежу за чем-то, поэтому выраженных антипатий у меня нет. Либо мне какая-то информация интересна или не интересна. Просто есть такие СМИ, к которым я..., ну вот есть, например, тот же самый первый канал, который все не любят потому что там не объективные однополярные какие-то новости. (Евгений)</p> <p>Интернет-издания - Медуза, Бумага, colta.ru, телевидение не смотрю, радио приходится слушать на работе. Если дело касается интернета, то я могу регулировать и выбирать то, что мне интересно. С радио я просто заложник обстоятельств. (Артем)</p>
1.2 Влияние СМИ на жизнь респондента и на общество в целом.	<p>Наверно, да влияет. Мне кажется, вот раньше, когда я был немного помоложе, наверно как-то меня задевало. Я помню, происходили какие-то волнения, митинги по поводу Болотной, тогда был период, когда я следил за СМИ, какая-та буча в стране начиналась, и это было интересно, мы даже с ребятами собирались на эти митинги. Вообще я считаю, сейчас, что так как особо не слежу за СМИ, какие-то масштабные события, даже и без СМИ до тебя докатятся: краем уха где-то услышишь, либо через друзей, либо в интернете. (Евгений)</p> <p>Конечно влияет. На моё эмоциональное и ментальное состояние, а это уже влияет на тот выбор, который я совершаю ежедневно. Например, новости (особенно российские) могут вгонять в депрессию. Конечно влияет. Например, общественная деятельность может стать реакцией на какие-то новости. (Артем)</p>
1.3 Отношение к жёлтой прессе	<p>Мне кажется, у всего должно быть право на существование. И у всего есть свой потребитель. Она не мешает, у каждого есть выбор свой. Если люди покупают это, то у них есть в этом потребность. (Евгений)</p> <p>Это часть нашей действительности, продукт коммерции, я её не потребляю, она следствие того, что интересно обществу. (Артем)</p>
2.1 Доверие к выбираемому респондентом СМИ	<p>Я говорю, опять же, я не доверяю в полной мере, мне интересны тем паблики, на которые я подписан. Мне интересно мнение тех людей, на которых я подписан, но опять же нужно</p>

	<p>подходить с собственным анализом с своего собственно опыта, какого-то. Мне кажется, все зависит от внутреннего фильтра, либо ты что-то воспринимаешь, либо что-то не воспринимаешь, либо до чего то тебе дела вообще нет. (Евгений)</p> <p>Подвергаю, конечно, меня это растаскивает в разные стороны, и я теряю покой, поэтому я пытаюсь дозировать информацию потреблять. (Артем)</p>
2.2 Информационный голод	<p>Тоже зависит от ситуации, если что-то меня заинтересовало, то бывает, хочется ещё куда-то зайти, в интернете, ещё что-то почитать, ведь освещение события, бывает разное, но не всегда. Зависит, от того, зацепило или нет и мне хочется дальше раскопать. Раньше был такой период, когда следил за новостями, сейчас у меня нет такого. Я подписан на городские новости, обзор городских событий. (Евгений)</p> <p>Да. У меня скорее информационное пресыщение, у меня проблема с тем, как дозировать эту информацию. (Артем)</p>
3.1 Отношение к высказыванию мнения	<p>Фотожурналист или тележурналист, настоящий, он должен окрашивать события в собственный взгляд, он должен объективно отразить факт, событие. Не продавливать своё мнение. (Евгений)</p> <p>Если это именно новости, то я думаю, что личная точка зрения неуместна, а если аналитические передачи, то как без нее? Если меня раздражает эта точка зрения, то я не смотрю фотографии в этой газете или там эту передачу, канал. (Артем)</p>
3.2 Неполная или ложная информация	<p>Тем более, я же не могу проверить человека, он должен вызвать у меня доверие. Вот с ним у меня доверие выработалось. Вот, какие-то источники информации дают понять, что этому человеку я доверяю. Даже если я с ним не согласен по каким-то пунктам, при этом я принимаю, что человек искренен, и в плане журналистики делает работу свою грамотно. Тогда я ему доверяю. Мне очень важно мнение авторитетных людей, но вообще доверять, 100% я не могу. Ведь информация есть, но зачем доверять всему? (Евгений)</p> <p>Конечно! Во многом СМИ только этим и занимаются. (Артем)</p>
3.3 Вмешательство в ход событий	<p>Если такое происходит – то это же ради сенсации происходит. Я считаю, что это полная ерунда, ради заполнения эфирного времени. Это же искусственная какая-то новость. Это же не правда. (Евгений)</p>

	Мне кажется в мире и так полно хаоса, чтобы плодить его еще больше. (Артем)
3.4 СМИ как средство пропаганды	Да, конечно. Конкретно я не скажу, СМИ должны быть разными и человек сам должен определять, какую информацию поглощать. Да, я считаю, что есть СМИ и журналисты такие, которые работают без пропаганды. (Евгений) Могут. Мне кажется, пропаганда, особенно в последнее время, стала более изощренной и её стало сложнее обнаружить. (Артем)
3.5 Субъективное искажение информации	Все мы люди и каждый, так или иначе, может куда-то продалить. Но я повторюсь, что в этом и заключается профессионализм журналиста. Что он должен уметь максимально точно отразить информацию. Я считаю, что в принципе возможно, объективная оценка журналистом. Границу не могу сказать, но это можно как бы сделать. (Евгений) Из-за этого даже журналисты могут не понять, что они стали жертвами пропаганды, и непреднамеренно что-то транслировать. (Артем)
4.1 Необходимость этического кодекса	Если этический кодекс, касается, каких-то сложных моральных ситуаций, то он нужен. Если это просто цензура то нет. (Евгений) Нужен. Чтобы очистить от субъективных суждений. (Артем)
4.2 Кодекс и моральные принципы	Мне кажется, он должен руководствоваться своим моральным кодексом. Это как была ситуация, актера, который в каске журналиста стрелял из пулемёта, на Украине. На каске была написано по-английски журналист, а журналистам нельзя притрагиваться к оружию, но он одел эту каску открыл огонь из пулемёта. Человек, тоже может быть с ним не согласен, тут дело совести. Ты стараешься занимаешься журналистикой. Решение принимаешь, исходя из опыта из своих норм морали. Это моё мнение. (Евгений) Мне кажется, это вопрос твердости моральных убеждений самого репортера, что для него первостепенно: кодекс или собственные ценности? То есть всё упирается в личные качества, может ли он сохранить в себе человека и поступать в соответствии со своими ценностями. (Артем)
4.4 Ответственность за передаваемую СМИ информацию	У каждого своя функция, и своя ответственность. Те же самые редактора, у них своё в голове. Всё зависит от уровня издания. (Евгений) Я не знаю точно, какая там иерархия в СМИ. Но, по идее, редактор, если над ним нет какого-то вышестоящего лица. (Артем)

4.5 Личная ответственность за выбор информации	<p>На 100% нет. Вообще по мимо конкретно, того, что я выбрал, просачивается какая-то левая информация. Я считаю, что информация должна быть нейтральна. Да и вообще такая тенденция, из новостей, я заметил, что если они попадают в голову, то через пару дней они забываются, и этот процесс бесконечен. (Евгений)</p> <p>Я стараюсь, конечно, фильтровать, но большое количество информации сложно отсечь. Я могу не слушать или смотреть специально, но она так или иначе транслируется мне в мозг. (Артем)</p>
--	---

В ходе проведения анализа были выявлены следующие особенности этой группы: Среднее поколение мужчин редко просматривает большое количество разных СМИ, в основном по собственному желанию читают интернет-СМИ, так же часто сталкиваются с радио. Ярких антипатий к каким-либо изданиям не испытывают. Считаю, что СМИ влияет на жизнь общества. В основном, подвергается только эмоциональный фон респондентов влиянию СМИ, не затрагивая идейный уровень. К желтой прессе относятся терпимо. Среднее поколение старается всю информацию подвергать сомнению, а точнее отсеивать информацию, или ограничивать. В основном присутствует информационное пресыщение, но это больше относится к политическим новостям, респонденты более восприимчивы к поглощению информации культурного характера. Так же считают, что информация в новостях должна быть объективной, респонденты прислушиваются к мнению авторитетных людей. Считаю, что журналист должен выполнять свою работу честно, но понимают, что негативные явления существуют почти везде (ложь, пропаганда, фабрикование новостей). Единой позиции по необходимости этического кодекса нет. Считаю что моральные качества журналиста более значимые нежели положения этического кодекса, что журналист должен опираться на свою мораль. Так же, респонденты считают, что редактор более ответственен в цепочке передачи информации. Считаю себя не сильно ответственными за поглощение информации, потому что часто она бессмысленна, либо проникает невольно.

ГРУППА РЕСПОНДЕНТОВ №6: Мужчины. Старшее поколение. 55-70 лет.

Интерпретации	Исходные смыслы
1. Вовлеченность в информационный поток	<p>Я читаю газету вечерний Петербург и смотрю сайт Санкт-Петербург Ру. Радио не слушаю, телевизор не смотрю. Бывает, слышу иногда, в интернете натываюсь. Но я не могу сказать, насколько часто. Пару раз в неделю, наверно, бывает. Не могу сказать, что они меня раздражают или что-то такое. Так... принимаю эту информацию к сведению, и всё. (Алексей)</p> <p>Я не смотрю телевизор, не читаю газеты, не знаю ни одной ни передачи, ни газеты, ничего вообще. Я читаю одну спортивную газету – “Sport weekend”, больше ничего абсолютно. Телевизора у меня даже нету дома, есть интернет, но в интернете я новости не смотрю никогда принципиально с 1993 года, потому что от того, что я увижу всю эту безнравственную мерзость. Я волей-неволей слышу, вижу</p>

	<p>периодически что-то, выхода же нет. Понятно, что я что-то вижу иногда, слышу радиопрограмму, в транспорте или в гостях, краем уха что-то, они все прорываются, всё время лезут. (Сергей)</p>
<p>1.2 Влияние СМИ на жизнь респондента и на общество в целом.</p>	<p>Да, безусловно. Я, например, прочитаю, что где-нибудь перекопали дорогу, и я туда не поеду. Я чисто в утилитарных целях использую всю информацию. А на формирование событий в обществе, конечно, влияют. Думаю, что и на Украине, и у нас нагнетаемый психоз идёт именно от СМИ... точнее, не именно только от СМИ, но во многом именно от них. (Алексей)</p> <p>Знаете, это было очень давно, 22 года назад, я не помню. Скорее всего, оно влияет, конечно, и чтобы оно не влияло, я не смотрю и не читаю ничего. Я на четвертинку русский, на четвертинку украинец, на четвертинку белорус, на четвертинку поляк. Поэтому в прошлом году, когда всё это на Украине затевалось, мне было далеко не безразлично, что происходит, и я не отрываясь смотрел все новости – и российские, и украинские, и зарубежные. (Сергей)</p>
<p>1.3 Отношение к жёлтой прессе</p>	<p>Нормально отношусь, считаю, что она имеет право на существование. Но сам не читаю, я уже вышел из этого возраста. (Алексей)</p> <p>Если она существует, значит, имеет право. (Сергей)</p>
<p>2.1 Доверие к выбираемому респондентом СМИ</p>	<p>Поскольку когда там пишут о каких-то вещах, которые я хорошо знаю, то пишут там всегда откровенную ерунду, то, полагаю, об остальном они пишут примерно такой же бред. Поэтому доверяю крайне мало. Зачем тогда читаю? Дурная привычка. (Алексей)</p> <p>Я не уважаю и не люблю СМИ, они мне отвратительны. И что я могу сделать? Когда мне показывают упавший самолет, например. Я ничего не могу сделать. (Сергей)</p>
<p>2.2 Информационный голод</p>	<p>Нет, я считаю что получаю её даже слишком много. Недостатка не испытываю.</p> <p>Информационного пресыщения тоже нет. В принципе, если бы испытывал, то сейчас имеется очень много возможностей дополнить её до полного удовлетворения. (Алексей)</p> <p>Нет, никогда. То есть как... Когда была ситуация в Киеве, то мне нужно больше информации, я полез дальше смотреть. Или когда подлодка «Курск» утонула, я переживал, потому что люди еще были живы, можно было как-то их спасти, и эта информация могла как-то помочь. (Сергей)</p>
<p>3.1 Отношение к высказыванию журналистом своего мнения</p>	<p>Журналист и так должен высказывать свою т.зр. на событие. Когда передаются сухие факты, туда тоже примешивается мнение журналиста</p>

	<p>наверняка, но они выдаются за некую объективность, а когда оговаривается, что это мнение человека, то мне это как-то ближе. (Алексей)</p>
3.2 Неполная или ложная информация в СМИ	<p>Считаю, что всегда. (Алексей)</p>
3.3 Вмешательство в ход событий	<p>Да, имеет, если он при этом остаётся в рамках законности и не приносит сильного вреда. Если он вмешивается и развязывает войну, то я считаю это несколько неуместным, а если он таким образом пытается оживить то скучное мероприятие, которое его позвали освещать, то вполне. (Алексей)</p> <p>Это же съедает общество? Съедает. Вот и всё. Все же знают, что, например, гороскопы в газетах – это всё чепуха. Все прекрасно знают и все читают. Глупо не разводить идиотов, особенно если они за это платят. Мне их не жалко. (Сергей)</p>
3.4 СМИ как средство пропаганды	<p>Что значит могут? Если они есть, значит могут. Бывает, без пропаганды, это когда пишут отчёты о заседаниях акционерного общества, и публикуют отчеты о том, сколько продали там каких-либо акций. (Алексей)</p> <p>Любое изложение собственного мнения – пропаганда. Если журналист продается в какое-то издание, то он выполняет задачу этого издания, вот и всё (Сергей)</p>
3.5 Субъективное искажение информации журналистом	<p>Ну конечно, журналист это не робот, а живой человек, каждый человек когда передаёт информацию, он её поневоле искажает, иногда специально, поскольку журналист тоже человек. Это теория информации, подразумевает, что при каждой передаче из одного репродуктора в ретранслятор, всегда количество шума прибавляется. (Алексей)</p> <p>Так и с журналистом: вот он находится на украинской территории, вот он там есть. Он находится, допустим, в районе города Макеевка, и говорит, что всё спокойно, ничего нет. А в районе города Горловка – бой кровопролитный, а он ни сном ни духом не ведает, потому что ему не сообщил никто. Он субъективно сказал то, что увидел. Есть порядочные люди, есть непорядочные, но в любом случае каждый журналист в любом издании выполняет волю этого издания, он ему отдаётся, и это не плохо. Но при этом выражает честную... по крайней мере, субъективную точку зрения. Это не искажение, это просто свойство информации. (Сергей)</p>
4.1 Необходимость этического кодекса	<p>Смотря, какой свод правил. Все этические</p>

	<p>кодексы уже давно написаны в одном – не убий, не приноси свидетельство ложно... Никаких кодексов лучше не придумано. Но этот кодекс должен быть не написан, а быть у человека внутри. (Алексей)</p> <p>В мире очень много продажности. Честному человеку не нужны эти кодексы. Если ты честный, то кодекс тебе не нужен, потому что ты принципы чести и так будешь соблюдать. (Сергей)</p>
4.2 Кодекс и моральные принципы	<p>Всё зависит от его моральных представлений. Если его моральные представления не слишком моральны, то пусть лучше руководствуется кодексами. Если его моральные представления не соответствуют, то такой журналист, скажем так, вреден. (Алексей)</p>
4.4 Ответственность за передаваемую СМИ информацию	<p>Но в основном должен нести редактор, потому что он на то и редактор, фотограф-то просто снял и всё(Алексей)</p> <p>Даже не могу подумать. Потому что... Я не считаю, что это большая ответственность, чем показ мультика, который ломает детскую психику. А кого винить? Автора сценария, режиссера-мультипликатора или того, кто стал показывать это по телевизору? Виновато общество, которое так развивается. (Сергей)</p>
4.5 Личная ответственность за выбор информации	<p>Даже не знаю. Частично я регулирую информационные потоки, частично не везде. Уши не заткнёшь, глаза не закроешь. Но естественно как человек, который идёт по улице и незаметно упал в канаву, это он сам решил туда плюхнуться, или он нечаянно поскользнулся? Кто за это ответственный. Это сложный вопрос. (Алексей)</p> <p>Народ избирает себе всё. Каков народ, таково и правительство, и СМИ, и всё остальное. Журналисты все выполняют заказ. Заказ исходит от нас всех. И я в той же степени виноват, как и всё человечество. Потому что я молчаливо это созерцаю. Наряду с остальными. Потому что я не выступаю против, не говорю «нет», не возглавляю движение, которое выступает против. (Сергей)</p>

Анализ показал следующие существенные позиции: Старшее поколение мужчин больше всего предпочитает печатные издания. По поводу интернет-СМИ, мнения сильно разошлись. Так же присутствует мнение, что СМИ влияют на общество, но конкретно респонденты стараются не подвергаться такому влиянию, а, в основном, обращают своё внимание на новости бытового и фактического характера. К желтой прессе отношение терпимое. Старшее поколение склонно не доверять СМИ, также не считают нужным искать или проверять информацию через другие источники СМИ. Информационный голод не испытывают, наоборот даже иногда чувствуют пресыщение информации, но так же, отмечают, что по интересующей информации не ведут

дополнительных поисков в СМИ. Респонденты выражают мнение, что журналистика не может быть хорошей, и негативные явления (ложь, фабрикование новостей, пропаганда) это часть системы подачи информации СМИ, и от этого никуда не деться. Старшее поколение не считает эффективными этические кодексы. Распространено мнение, что в сложных моральных ситуациях, журналист должен поступать в соответствии с собственными моральными представлениями. Анализ показал, что старшее поколение склонно считать себя ответственным в выборе информации, и это проявляется больше в отказе от восприятия информационного потока СМИ.

Сравнение мнений Респондентов.

Прежде чем сделать выводы по проделанному исследованию, нужно сравнить мнения респондентов разных гендерных групп, ориентируясь на выводы по таблицам дискурс-анализа. Так же нужно сравнить поколения между собой и вывести общую тенденцию, если это возможно.

У мужчин младшего поколения более критичное восприятие информации, потому что в их ответах чаще фигурируют смыслы об односторонней подаче информации или подаче с разных точек зрения. Мужчины больше внимания придают содержанию СМИ, значит вовлечённость в информационный поток больше чем у женщин. Женщины младшего поколения больше обращают внимание на события в культурной сфере общества, нежели политической, мужчины не проводят чёткого разделения. Важность мнения журналиста у женщин зависит от темы сферы освещаемого события, а у мужчин, от авторитетности конкретного лица. В оценке положительных и отрицательных явления СМИ, таких как: пропаганда, ложь, фабрикование новостей - мнения схожи. Различие наблюдается в вопросе значимости этического кодекса: женщины считают, что этический кодекс нужен в отличие от мужчин, которые апеллируют к собственным моральным убеждениям фото- и тележурналиста.

Позиция респондентов среднего возраста мужского пола и женского в целом схожи, за исключением, позиции личной ответственности. Женщины склонны в большей мере брать на себя ответственность за поглощаемую информацию, в отличие от мужчин.

Старшее поколение мужчин более терпимо относится к желтой прессе, в отличие от женщин. Женщины чаще замечают раздражающие их информационные издания. Ключевая позиция расхождения мнений заключается в том, что женщины более остро чувствуют эмоциональный голод, чем мужчины. Эти позиции так же находят своё отражение в том, что женщины проявляют большее доверие к СМИ чем мужчины, несмотря на то,

что по вопросам негативных явлений СМИ (ложь, пропаганда, фабрикование новостей) их позиции совпадают.

В ходе анализа были выявлены различия между разными поколениями. Младшее поколение более радикально воспринимает ту информацию, которую транслируют СМИ, это выражается в жестком делении на оппозиционные СМИ и тех, кто придерживается правительственного курса. Среднее поколение не так сильно прибегает к такому способу разделения, старшее поколение, разделяет СМИ на эти две категории без личного предпочтения кому-либо.

В ходе исследования была выявлена разница в оценке роли журналиста в подаче информации. Младшее поколение считает, что, при желании, журналист может транслировать объективную информацию, быть честным, обходится без пропаганды в своих оценках событий. Среднее и старшее поколение более критически настроены по этому вопросу: они считают, что негативные явления журналистики имеют естественный характер, и от них нельзя никак избавиться, это часть информационной системы.

Самая значимая тенденция в разнице взглядов между поколениями заключается в оценке собственной ответственности за воспринимаемую визуальную информацию. Сопоставление анализов таблиц показывает, что младшее поколение радикально оценивает свою ответственность: два респондента уверенно заявляют о своей ответственности за выбор СМИ, остальные не могут себя считать ответственными по такой позиции, в силу того, что не могут определить, где правдивый источник. Общая особенность заключается в том, что респонденты предполагают наличие честного СМИ, которое может работать в соответствии с идеалами журналистской профессии, и пытаются его найти, либо уже нашли и уверенно об этом говорят. Среднее поколение не может точно ответить, являются ли они ответственными в своём выборе или нет, но больше склоняются к положительному ответу. Старшее поколение заявляет, что оно ответственно за свой выбор в полной мере, именно поэтому респонденты этого поколения, в основном, имеют отстранённую позицию по поводу вовлеченности в систему циркуляции информации.

Выводы.

Проведённое исследование на основе глубинных интервью позволяет сделать следующие выводы. Значительная часть респондентов регулярно читает средства массовой информации. Так же большинство осознанно сталкивается с рекламой или другим видом упоминания тех СМИ, которые им не нравятся. Это говорит о большой вовлеченности в систему передачи и поглощения новостной информации, потому что люди имеют свои собственные предпочтения как позитивные так и негативные, их можно только при хорошей осведомлённости в этой сфере общества.

СМИ имеет некую власть в обществе, потому что все респонденты сходятся во мнении, что на них влияет информация разного вида и содержания, как и на общество в целом. Причем большинство, считает, что СМИ это могущественное и эффективное средство управления обществом. Из-за этого, некоторые респонденты, умышленно ограничивают, дозируют поглощаемую информацию.

Если СМИ формирует мнения на уровне общества, то на индивидуальном уровне, ситуация совершенно иная, потому что каждый респондент осознаёт, что СМИ имеют много негативных последствий, таких как пропаганда, ложь, искажение информации, что ведет к манипуляции обществом, и они стараются избегать чрезмерного влияния СМИ. Это выражается в том, что большинство отрицательно отозвались о чувстве информационного голода, и некоторые даже сказали, что существует пресыщение. В ходе исследования, было установлено, что понятие «информационный голод» имеет негативную окраску, респонденты воспринимали этот термин, как не опосредованное никаким анализом принятие подаваемой информации. Из этого появляется феномен защиты от информации.

Большинство респондентов склонно считать, что журналист должен руководствоваться собственными моральными суждениями в особо сложных этических ситуациях, даже если они идут вразрез с этическим кодексом. Так же был выявлен тот факт, что большинство респондентов предпочитают слушать точку зрения авторитетных людей. Таким образом, можно сказать, что люди в журналисте смотрят не на его профессиональные качества, а на непосредственно личностную сторону человека, и оценивают его не с точки зрения профессионала, а с точки зрения человеческого отношения.

Из этого можно сделать вывод, что восприятие этической ответственности в СМИ имеет двойкий характер. Люди сами признают свою ответственность за выбор того, что они смотрят, но в то же время отмечают, что СМИ

показывают слишком много неоправданного насилия, на которое ни один из респондентов смотреть не хочет.

Данная тема очень интересна и непрозрачна. В ней до сих пор остаётся множество дискуссионных моментов. Стоит уточнять и разбираться, потому что осведомленность и осознание работы современного общества, в котором мы живём, жизненно необходимы.